

Виктория Воронова

У Судьбы на поводке

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктория Воронова

У Судьбы на поводке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51400636

SelfPub; 2020

Аннотация

Катя – обычная одинокая мама, каких сотни тысяч. Но однажды судьба сталкивает девушку с человеком, который много лет назад предал её. Дима – успешный бизнесмен, шесть лет назад покинувший родной город в поисках новой жизни. Приехав на свою малую родину в командировку, он неожиданно встречает девушку, которую когда-то оставил здесь. Постепенно Дима приходит к выводу, что шесть лет назад он совершил ошибку, но как ее исправить? Захочет ли главный герой вернуть в свою жизнь некогда любимую женщину и их общего ребенка? А главное – сможет ли? Ведь Катя уже не та влюбленная девушка, да и у самого Дмитрия давно другая жизнь. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1.	5
2.	13
3.	22
4.	32
5.	43
6.	53
7.	59
8.	65
9.	78
10.	85
11.	93
12.	101
13.	110
Конец ознакомительного фрагмента.	113

В оформлении обложки использована фотография с <https://canva.com/>

1.

В фойе конгресс-холла сегодня не протолкнуться – толпа жаждущих просвещения штурмует гардероб. И я вместе с ними – жду, когда подойдет моя очередь и можно будет вручить свое пальто маленькой шустрой гардеробщице. Наш главный бухгалтер, Ольга Александровна, внезапно слегла с температурой под сорок, коварный грипп скопил треть офиса, остались только самые живучие, стрессоустойчивые и непотопляемые экземпляры. Раз уж участие в конференции было оплачено предприятием, из кого-то следовало сделать жертву просвещения. Жертвой выбрали меня – рядового работника бухгалтерии, Сомову Екатерину свет Витальевну, ведь мероприятие организовывалось как раз для фанатов бухгалтерского учета.

Нет, я совсем не против повышения квалификации, напротив – даже очень «за». Вот и Ольга Александровна, заявив, что мне надо расти как профессионалу, командировала меня сюда. Надеюсь, что в половине пятого вечера мне удастся незаметно уйти – почему-то в нашем детском саду очень не любят, когда родители забирают детей слишком поздно. И никого из работников детсада не волнует, что люди работают и до шести, и до восьми вечера, а то и позже.

Каким-то чудом удастся избавиться от верхней одежды. Отправляюсь дальше в общем потоке гостей – к зеркалам,

чтобы привести себя в божеский вид. Отражение говорит мне, что, в общем-то, выгляжу я неплохо – светлые волосы заплетены в косу и уложены на затылке в небрежный пучок, синее платье в деловом стиле, туфли на устойчивом каблучке, в руках небольшой портфель. Осталось еще нацепить на нос очки и стереотипный образ бухгалтера будет завершен. Собственно, очки я теперь не ношу – весьма неудобное, на мой взгляд, приспособление. В современном мире контактные линзы стали совершенно доступным явлением, а посему и надобность в очках отпала.

Получаю свою порцию раздаточной продукции. Всё, как обычно – ручка, блокнот, календарь и стопка брошюрок. В этом как раз нет ничего удивительного – сегодня, наряду с лекторами по бухгалтерскому учету, аудиту и финансам, будут выступать представители различных фирм, предлагающих программные продукты всех мастей. А вот и программка! Посмотрим, что тут у нас запланировано? Значит, сегодня до обеда лекции, затем перерыв на обед, а затем снова лекция и презентация какого-то программного комплекса. Завтра лекции до четырех, а затем небольшой фуршет и раздача сертификатов. Отлично, сегодня перед презентацией устрою побег, думаю, труда это не составит. Уверена, одновременно со мной после обеда еще треть слушателей непонятным совершеннейше волшебным образом растворится в воздухе. А вот завтра придется присутствовать до победного конца, то есть до получения сертификата.

Разглядываю окружающую меня публику – женщины всех возрастов занимают места в зале, мужчин немного, но они есть. Вероятно, это финансовые директора? Впрочем, и среди мужчин встречаются бухгалтера, исключительно редко, но, тем не менее, они существуют.

Все последние ряды уже заняты – ясное дело, кому охота сидеть в первых рядах в такую рань, когда можно преспокойно вздремнуть или зависнуть в телефоне где-нибудь в углу у стеночки? В первых рядах не получится выпасть из образовательного процесса – как-то неловко будет при лекторе нечаянно всхрапнуть или свалиться под стул. В детстве нас учили, что так поступать некультурно и не по-светски. Вижу свободное место во втором ряду и спешу его занять, потому что иначе только первый, а первый ряд – это вообще гибельное место. В первом ряду я начинаю стесняться, как идиотка – мне кажется, что выступающие на сцене люди смотрят прямо на меня и мне нужно делать очень заинтересованный вид. Когда тема интересная, с этим проблем не возникает, а вот когда начинают лить воду в решето, то приходится держать себя в руках из последних сил.

В первой половине дня все идет по плану – лекторы рассказывают о грядущих изменениях, разбирают разные спорные ситуации и так далее. Дождавшись обеденного перерыва, вся толпа слушателей спешит в буфет на первом этаже. Поскольку до сих пор наукой так и не решен вопрос о том, сытое или голодное брюхо к учению глухо, народ решает, что

все же голодное и начинает расхватывать халявные пирожки и булочки, что лежат на симпатичных круглых столиках. Через десять минут там же остаются сиротливо лежать картонные стаканчики, салфетки и использованные чайные пакетики.

На часах 14.00, осталась одна лекция, и на сегодня я свободна. Заберу Данечку из садика вовремя, забежим вместе в магазин, купим пирожных – я сегодня аванс получила, и будем дома весь вечер вместе смотреть мультики. В кои-то веки можем себе позволить побаловаться сладостями. Мы, конечно, не голодаем, но живем скромно. Все-таки зарплата у рядового бухгалтера не слишком высокая, к тому же половина ежемесячного дохода уходит на оплату ипотеки.

В конференц-зале снова занимаю свое место во втором ряду. С надеждой оглядываюсь на последние ряды – но нет, все занято по-прежнему. Голос лектора монотонно рассказывает о том, как правильно надо оформлять сотрудников в новом году и как считать отпускные. Скосив глаза, наблюдаю, что женщина рядом со мной клюет носом. Что сделать? Ткнуть локтем? Невежливо – я же с ней незнакома. Тыкать локтем только знакомых можно, во всяком случае, так почему-то считается. Ладно, была не была. Легонько захав незнакомке локтем в бок, делаю вид, что внимательно слушаю о том, как следует правильно избавляться от штрафившихся работников. Женщина, пострадавшая от моего локтя, с недоумением и осуждением взирает на меня. Те-

перь она бодра и готова внимать речам преподавателя. Я извиняюсь шепотом, так тихо, как только могу:

– Извините, я заметила, что вы задремали, и решила помочь.

Сердитые складки на ее лбу разглаживаются, и она так же тихо благодарит:

– Спасибо! Знаете, совсем не спала ночью, ребенок заболел. Все этот грипп проклятый.

Обе умолкаем и продолжаем слушать лекцию. Она уже вроде бы должна закончиться по времени, но все не заканчивается отчего-то. В итоге мы остаемся без перерыва – тут же объявляют выход представителя одной из компаний, которые занимаются автоматизацией рабочих процессов. Черт, и как же мне сбежать? Начинаю вертеть головой по сторонам, чтобы посмотреть, как будут выкручиваться из этой ситуации остальные слушатели, но вижу, что все пока что остаются на своих местах. Неужто так заинтересованы? Ладно, делать нечего, послушаем, что нам хотят предложить. За всеми этими переживаниями я пропускаю выход докладчика. И только когда он начинает говорить, где-то внутри меня вдруг что-то обрывается и ухает вниз, сердце начинает биться быстро-быстро – так быстро, что мне кажется, что сейчас меня стошнит. Не веря своим ушам, медленно поворачиваю голову к сцене, питая ложную надежду на то, что мне почудилось. Ведь так бывает – люди похожие, голоса похожие. Нет, не может быть, чтобы мне так не повезло. Ну почему имен-

но здесь и именно сегодня? Что этот человек вообще здесь делает? Он ведь уехал давно, пропал без объяснений много лет назад, оставив после себя лишь горькое разочарование и смертельную обиду. В первое время после его отъезда я часто бессонными ночам мысленно разговаривала с ним, пытаясь понять мотивы его поступка, но так и не пришла ни к какому выводу. Ничего не могу с собой поделаться – жадно разглядываю человека, который предал меня шесть лет назад, выбросил из своей жизни, как использованную и более не нужную вещь. Что надеюсь увидеть? Сама не знаю. Наверное, какой-нибудь отпечаток, свидетельствующий о том, что судьба его за это наказала. Но ничего подобного не вижу – свеж, бодр, как всегда харизматичен – зал заинтересован и зачарованно слушает докладчика. Светло-русые волосы немного длинноваты и небрежно откинута назад, все те же необычайно светлые глаза смотрят в зал, наверняка порождая в умах у женской части аудитории мысли отнюдь не рабочего характера. Никогда не умела оценивать стоимость вещей, обуви и аксессуаров, но почему-то уверена, что он не бедствует. Хорош, подлец. Да ну и черт с ним. Только жаль, что незаметно уйти не получилось, придется ждать более подходящего момента. Продолжаю разглядывать своего бывшего... кого? Кем он был для меня? Когда-то этот человек был для меня всем – не просто парнем и не просто любовником, а человеком, с которым я планировала провести всю жизнь. Глупая молодая девчонка хотя и не читала лю-

бовных романов, однако жизнь свою планировала в соответствии с изложенными в них канонами: герои романа счастливо жили вместе и умерли в один день. Судьба, однако, распорядилась по своему: в один прекрасный день принц исчез, передав через своих друзей, что в моих услугах он больше не нуждается. От них в тот же день я узнала, что Дима свалил в Москву, ведь в Москве шлюхи посимпатичнее будут. А я вполне гожусь для того, чтобы развлекать здесь его друзей.

Погрузившись с головой в воспоминания, не заметила, как докладчик замолчал. Кажется, выступление закончилось и можно дать дёру с этого мероприятия, невероятным образом превратившегося из обычной конференции в вечер тягостных воспоминаний? Поднимаю голову и встречаюсь взглядом со знакомыми светло-серыми глазами. Он пристально смотрит на меня и молчит, затем, видимо, опомнившись, продолжает вещать о достоинствах сервиса, который предлагает его компания.

Нетерпеливо дожидаясь перерыва, как только презентация заканчивается, хватаю портфель и шагаю к выходу из зала. Вместе со мной конференц-зал покидает еще человек двадцать.

Странно, почему я не увидела его имени в программе мероприятия? Совершенно точно помню, что его там не было, возможно произошла замена докладчика. Гриппует вся страна, ничего удивительного.

Быстро забираю пальто в гардеробе, одеваюсь и выхожу на

улицу. Спешу к остановке – у меня еще есть шанс не быть растерзанной Верой Ивановной – нашей воспитательницей. Прекрасная женщина, у меня к ней нет никаких претензий, но у нее та же проблема, что и у меня. Дочь Веры Ивановны часто работает в ночную смену и ей нужно с кем-то оставлять ребенка, а поскольку она тоже одинокая мать, то оставить ребенка может только с бабушкой. Вот и получается – когда я опаздываю к своему сыну, Вера Ивановна опаздывает к своему внуку. Так и живем.

Сейчас удача на моей стороне – маршрутка подъезжает к остановке через пару минут, запрыгиваю в нее, занимаю переднее сиденье и уговариваю себя выкинуть из головы сегодняшнюю встречу. Неважно, какие призраки из прошлого попадают на пути, жить надо настоящим. И никогда нельзя себя жалеть. Так говорила мне когда-то одна мудрая женщина, медсестра в одной из больниц, в которых мне довелось побывать. У меня есть Данька, есть дом, есть работа, к тому же я здорова – чего еще желать? Сегодняшняя встреча лишь мимолетное досадное недоразумение, не более того. Этаким своеобразный привет из прошлого, видимо для того, чтобы больше ценила настоящее.

2.

Данька с серьезным лицом и любимым игрушечным динозавром Кешей в руках, играет в игровой комнате с двумя братьями по несчастью – их родители тоже где-то задержались. Едва завидев меня, сын со скоростью света несется к своему шкафчику в раздевалке. Его товарищи с грустью провожают Даньку взглядами – их срок заключения в детском саду на сегодняшний день еще не вышел.

Помогаю своему сорванцу надеть пуховичок, шапку, шарфик и сапожки. Он, конечно, яростно сопротивляется – ведь он давно все умеет сам. Иногда свитер бывает надет задом наперед или шиворот-навыворот, но это не так страшно, главное, что ребенку тепло. Данька у меня очень самостоятельный парень – все любит делать сам. Получается неплохо, он у меня большой молодец.

Например, в прошлые выходные, сын решил с утра побаловать маму блинами, естественно это был сюрприз, поэтому маме об этом не было сказано ни слова. Когда я вышла на кухню, услышав, что ребенок бряцает там кастрюлями, то моему взору предстала картина, достойная пера какого-нибудь поэта, воспевающего трудовые будни работников хлебопекарен. Пол кухни был щедро присыпан мукой, разбитое яйцо стекало с ни в чем не повинного кактуса, стоящего на подоконнике. На вопрос о том, что здесь происходит, сын се-

рьезно заявил, что решил приготовить блинчики с вареньем, а кактус просто захотел попробовать яйцо, ведь до этого он никогда не ел яиц. Добросердечный ребенок был не в силах отказать несчастному растению, которое в этой жизни ничего не видело, кроме кухонного подоконника, и расколошматил над ним куриное яйцо. На всю эту катавасию из угла грустно посматривал игрушечный динозавр Кеша. Хорошо, что динозавр не уподобился кактусу и не заказал дегустацию яиц.

Наконец, одевшись и попрощавшись с воспитательницей, выходим из детского сада и неспешно шагаем домой. Данька взахлёб рассказывает о том, какой огромный замок они сегодня построили из Лего, о том, что девчонки страшные ябеды, что на обед был противный борщ, а на полдник вкусный коржик, что у пары хомячков родились дети, а Мишка заболел, и без него было немножко скучно. Все эти нехитрые ребячьи новости вываливаются на меня сразу скопом, я радостно смеюсь и целую Даньку в покрасневшую щечку. Он, конечно, как большой и уже взрослый мужчина, отстраняется от меня, вытирает щечку ладошкой и протягивает свое коронное:

– Ну ма-а-ам!

Затем недовольно сопит, негодуя в душе на все эти телячьи нежности, неподобающие его статусу и возрасту. Но, как все дети в его возрасте, Данька быстро забывает обиды и снова начинает без умолку трещать, перечисляя все случивши-

еся сегодня в детском саду события. По пути домой мы заходим в небольшую пекарню, что приютилась с торца нашего дома, и покупаем парочку пирожных – Даньке корзиночку, а мне заварное.

Нашу идиллию нарушает телефонный звонок. Увидев, кто звонит, хочу нажать «сбросить вызов», но совесть не позволяет. Какая бы ни была, но это моя мать. Нет, она не алко-голичка и не наркоманка, вполне обычная женщина, если не считать того, что это самый эгоистичный человек, которого я когда-либо видела. Разумеется, сама себя она таковой не считает – все наши родственники в курсе, что она готова пожертвовать жизнью ради своих детей, что она отдала им всю молодость и все здоровье, и так далее и тому подобное. Лет до семнадцати я наивно полагала, что так оно и есть.

– Привет, мам.

– Привет, дочь! Совсем нас забыла, не навещаешь, не звонишь.

– Извини, некогда, я же работаю каждый день. К тому же на дом работу беру.

– Знаю я твою работу – целыми днями бумажки перебирать. Тоже мне работа! То ли дело я – всю жизнь то на заводе, то тряпкой машу. Вот где люди-то упакиваются!

В ответ молчу, ибо этот вопрос мы уже не единожды обсуждали и возвращаться к нему я не хочу. Мама проработала пять лет на заводе сборщицей и двадцать лет техничкой. Десять лет она находилась в отпуске по уходу за ребенком

(моим братом) и работать отказывалась наотрез. Найти работу ее заставила жизнь – мы с братом были еще слишком малы, а отчим не отличался избыточным трудолюбием, поэтому вместо карьеры домохозяйки мама была вынуждена сделать карьеру иного плана. Образования она толком никакого не получила в свое время, поэтому рассчитывать на хороший заработок, разумеется, не могла. Впрочем, работа ее вполне устраивала – минимальная зарплата компенсировалась коротким рабочим днем, обычно после обеда мама уже возвращалась домой. Мы, как всякие дети, были рады, что мама большую часть дня находится дома.

Моя родительница пребывает в полной уверенности, что физический труд – это хорошо, а интеллектуальный труд – это не труд вообще, а так, профанация трудовой деятельности. Переубедить ее мне не удалось, впрочем, теперь мне уже это совсем неважно. Пусть думает что хочет.

Выныриваю из потока собственных размышлений. Ага, ну вот и до самого главного добрались.

– Ты знаешь, он совсем не может работать.

Видимо, речь опять о Женьке. Женька – это мой младший брат, который сидит дома у матери на шее и на работу выходить не собирается. Все, что его интересует в этой жизни – это компьютерные игры. Спросите, как он сумел заработать на компьютер? И из каких средств оплачивает интернет? Компьютер ему отдал его друг, прикупив себе новый. А интернет ему оплачивает мама. Ну и еще покупает сигареты,

кормит, одевает и обувает. И не забывает время от времени требовать компенсацию с меня. Не так давно брату исполнилось 25 лет, но для нашей мамы он по-прежнему ребенок.

– На последнем месте работы на него кто-то так нехорошо посмотрел, он не может там работать. Я подозреваю, что ему сказали там что-то нехорошее! Сама знаешь, какие эти «новые русские» – из грязи в князи, хамло, даже не умеют нормально с людьми разговаривать.

– Мама, а как на него должны смотреть? Он же не директором туда пришел работать. Мне тоже на работе выговаривают, если я что-то неправильно делаю.

– Ой, ладно. Сравнила, тоже мне. У него, между прочим, тяжелая работа – он тяжести таскает весь день.

– Ну да. Один день потаскал и тут же уволился. Надорвался, наверное, бедолага.

– С тобой невозможно разговаривать, мне кажется, ты нас ненавидишь. Вот и съехала от нас.

Переехала я, конечно, не потому, что я ненавижу своих родственников. Просто настало время отделиться – Данька подрастает, не хочу, чтобы он видел, как его дядя просиживает штаны за игрушками и отлеживает зад на диване. К тому же, две комнаты – это тесновато на четверых. Поэтому, я решила взвалить на себя кабалу, именуемую ипотекой, и обзавелась небольшой двухкомнатной квартиркой в одном из новых районов города.

– Мама, ты знаешь, что это не так. Все равно надо было бы

рано или поздно разъезжаться – Даня растёт, Женька вдруг жениться надумает, да мало ли какие обстоятельства. Пока у меня была возможность оформить ипотеку, я ей воспользовалась.

– У твоего брата на зиму даже одежды нет, вот как он должен идти устраиваться на работу, ответь мне?

– Об этом ему следовало подумать раньше, чем он уволился, отработав один день грузчиком.

– Катя! Он же твой брат! Как ты можешь о нем такое говорить? Какая ты всё-таки неблагодарная дочь! Я с твоим ребёнком ночей не спала, и Женька тебе помогал. А ты теперь съехала от нас и все, не нужны мы стали.

Как обычно, любящая бабушка ни разу не поинтересовалась, как там внук. Она Даньку и по имени-то редко называет, чаще всего вместо имени использует условное обозначение «твой ребенок». Справедливости ради скажу, что мама помогала мне нянчить Даньку, и Женька помогал, чем мог. Когда я не могла устроиться на работу после рождения ребенка, мы все жили на мамину зарплату. Потом стало легче – я хваталась за любую работу – курьер, оператор колл-центра и т.д., через некоторое время устроилась помощником бухгалтера на полставки, чтобы больше свободного времени оставалось на ребенка. Втроем мы как-то умудрились выкручиваться. Данька подрос и начал ходить в детский сад, я нашла хорошую работу в той компании, где работаю сейчас. У нас замечательный коллектив, очень дружный. Зарплаты не

космические, но и не совсем минимальные – вполне можно жить.

Когда мне не нужно было выплачивать долг по ипотеке, я чувствовала себя временами вполне обеспеченной дамой. Конечно, это по моим скромным меркам. Теперь половина моего дохода уходит на оплату ипотеки, еще четверть на оплату коммуналки – мне приходится платить за обе квартиры. Поскольку мамина пенсия уходит на их с Женькой пропитание, на оплату коммуналки у мамы ничего не остается. Чтобы не копились долги, я плачу за себя и за того парня.

– Мама, ну а я чем сейчас могу помочь? Ты знаешь, что мы с Данькой теперь живем вдвоем на копейки после уплаты всех коммунальных платежей и ипотеки.

– Не надо меня попрекать! Это была твоя идея с ипотекой, а не моя!

Вот собственно в таком тоне и происходят все наши разговоры в последние полгода. Родительница страшно обиделась на меня, когда я объявила ей о своем намерении купить себе отдельное жилье. Все мои увещания о том, что это нормально, когда молодая семья живет отдельно от родителей, разбивались как о стенку горох.

Завершив, наконец, беспредметный разговор, открываю дверь в квартиру. Данька залетает первым, сбрасывает одежду и несется на кухню включать чайник – пирожные прежде всего, и пусть весь мир подождет!

Собираю разбросанные в прихожей вещи и иду следом за

сыном в кухню. Он, как всегда, уморительно серьезен:

– Бабушка звонила?

– Ага.

– Она ругала тебя?

– Нет, что ты! Мы просто разговаривали.

– Мама, ты не переживай! Я вырасту большим, пойду работать, буду получать много-много денег. Куплю тебе самолет, ты будешь на нём кататься. И бабушку тоже покатаем, тогда она перестанет сердиться.

Вот так всегда – мы думаем, что дети ничего не понимают, а ведь они замечают гораздо больше, чем принято считать. По обрывочным фразам Данька сделал верные выводы, что в семье назрели очередные финансовые проблемы. Теперь надо быть начеку – сынок вполне может додуматься до какого-нибудь нестандартного способа заработать денег.

Этим летом, увидев в зоомагазине аквариум с улитками, малыш вспомнил, что точно такие же улитки живут в небольшом пруду недалеко от нашего дома. Вооружившись баночкой и сачком, он потащил меня на пруд ловить улиток. Еле удалось уговорить новоявленного Дуремара оставить несчастных моллюсков в покое. На доброго мальчишку подействовал только один довод: у улиток в пруду есть домики, а в домиках детки. Ведь нельзя же, в самом деле, разлучить улитку-мamu и улитку-детку?

Вечером, уложив Даньку спать, долго пытаюсь уснуть и не могу. Сегодняшняя встреча разбередила старые раны. Мне

казалось, что все давно отжило, отболело и зарубцевалось. Давным-давно я пережила все то, что случилось шесть лет назад. Иной раз нет-нет, да и промелькнет вопрос: «Почему? Что я сделала не так? Или, может, дело не во мне, а в нем?». В первый месяц после его предательства я мучительно хотела узнать ответ на этот вопрос. Я мечтала о том, как встречу его, посмотрю в глаза и спрошу: «За что? Что я тебе сделала?». Мне даже снились сны, в которых все именно так и происходило. Однако сны обрывались на самом интересном месте, и ответ оставался похороненным где-то в недрах сновидений.

3.

Катя

Шесть с половиной лет назад

Свобода! Позади шесть лет учебы и госэкзамены, осталось лишь защитить диплом и я с полным правом могу называться дипломированным финансистом!

Вылетаю на крыльцо родного вуза, которому отдано почти шесть лет моей жизни, размахивая сумочкой, как поп кадиллом. Вместе со мной вываливается толпа таких же как я, ошалевших от ощущения свободы сокурсников. Впереди целая жизнь! Нам кажется, что весь мир лежит у наших ног и все пути открыты перед нами – осталось только выбрать дорогу и идти по ней прямиком в светлое будущее. Нам всем немногим более двадцати и нас переполняет осознание того, что вот теперь-то жизнь только начинается – настоящая, взрослая, серьезная, в которой мы можем всё и всё нам подвластно. Теперь не будет больше экзаменов, зубрежки, нудных лекций, мы отработали свою студенческую карму и теперь свободны как ветер.

Договариваемся вечером отметить удачную сдачу экзаменов – сдали все, даже вечная прогульщица Ленка, которая всю учебу решала проблему, как сдать все хвосты и не вылететь из института. Впрочем, ей позволительно – Степанова одна из немногих студентов, которые с третьего курса об-

завелись записью в трудовой книжке. Большинство из нас можно отнести к подвиду «студент обыкновенный» – то есть студент-бюджетник, у которого шиш в кармане и блоха на аркане. Мы с азартом обсуждаем все злачные места в городе, которые можно посетить без фатального ущерба для студенческого бюджета. К счастью, среди нас есть Игорь, у родителей которого имеется домик в пригороде. В это время года дом обычно стоит пустым – родители Игоря предпочитают проводить холодный сезон в городе. С центрального автовокзала в поселок идет автобус, поэтому проблем с доставкой толпы студентов к месту назначения не возникнет.

Вспоминаю, что мне еще нужно забежать домой переодеться, да и не мне одной. Многие явились сегодня на экзамен при полном параде – в платьях и тонких колготках. Мартовская же изменчивая погода не располагает к долгим прогулкам в таком виде, тем более за городом, где еще царит зима, сугробы и не думают таять, а ветер носится по улицам поселка со сногшибательной, в прямом смысле этого слова, скоростью. Расстаемся на несколько часов, договорившись встретиться в семь вечера на центральном автовокзале.

Бегу к перекрестку, вот-вот должен загореться зеленый сигнал на светофоре. Вместе со мной отсчитывают в уме секунды до зелёного сигнала еще несколько человек. Парень, стоящий на остановке, смешно переминается с ноги на ногу. Отворачиваюсь, усмехнувшись про себя, а затем краем глаза замечаю, как на меня несется огромное синее пятно. Крики,

визг тормозов, народ бросается врассыпную, я же застываю истуканом и смотрю, как на меня медленно надвигается какая-то синяя иномарка. Медленно, потому что время резко замедляется, я замедляюсь вместе с ним – не могу двинуть ни рукой, ни ногой. Только сознание работает быстро, четко, ясно, холодно. Как будто это кто-то другой сидит сейчас в моей голове – наблюдает, измеряет расстояние, просчитывает, анализирует и ждет результата. Вижу, как автомобиль медленно подплывает ко мне, весьма ощутимо толкает меня в бедро, и я падаю в грязный мокрый снег. В голове лихорадочно и неотвязно бьется мысль: «Черт, ну надо же, теперь пальто придется чистить опять! Еще и колготки, наверное, порвались!».

Тут внезапно возвращаются звуки, слышу, как женский голос истерично кричит:

– Девушку сбили! Насмерть!

Оглядываюсь удивленно: неужели кого-то еще сбили, кроме меня, да еще и насмерть? Но не вижу ничего похожего. До меня доносится хруст подтаявшего и вновь замерзшего мартовского снега. Кто-то подбегает ко мне, но я не вижу лица – только мужские ботинки и брюки. Наконец-то догадываюсь поднять голову – мужчина с самыми необычными глазами, которые я когда-либо видела, напряженно разглядывает меня. Я смотрю в эти глаза и не могу отвести взгляд, меня как будто затягивает внутрь. Опомнившись, перевожу взгляд на его губы – кажется, он что-то говорит.

– Девушка, с вами все в порядке? Где у вас болит? Не двигайтесь, я сейчас скорую вызову.

И, уже повернувшись к дородной женщине в выдавшей виды норковой шапке-кубанке, которая продолжает истошно вопить:

– Женщина, ну успокойтесь уже! Все живы, сейчас скорую вызову, девушку отвезут в больницу и осмотрят.

После этого он долго разговаривает с кем-то по телефону, а потом снова поворачивается ко мне и смотрит на меня своими невозможными стального цвета светлыми глазами:

– Как вас зовут?

– Катя.

– А меня Дима. Мне очень жаль, что так получилось, какой-то урод на своей тачке влетел мне в бок, разворачиваясь на светофоре. Из-за этого я чуть не влетел в остановку, еле-еле удалось вовремя затормозить.

Правой рукой он взлохмачивает светлые волосы у себя на голове, трёт лоб и висок.

– Господи, как я рад, что вы живы, словами не передать! Я уже чего только не передумал! Сейчас скорая должна подъехать.

Я пытаюсь подвигать ногой, затем шевелю пальцами на ногах, вроде бы все функционирует.

– Мне кажется, что со мной все в порядке, во всяком случае, ничего не болит.

– Возможно, это последствия шока. Лучше не двигайтесь,

вдруг что-то сломано.

Раздаются звуки сирен, к остановке подъезжают машины скорой помощи и полиции. Врачи осматривают меня, к счастью, переломов не обнаружено, только ушибы. Но на всякий случай настоятельно рекомендуют ехать в больницу – необходимо проверить, нет ли сотрясения мозга и сделать рентген. Толпа зевак начинает потихоньку расходиться, понимая, что ничего интересного здесь уже больше не произойдет. Мужчина, который чуть не сбил меня, обсуждает что-то с полицией, указывая рукой на машину, стоящую неподалеку – у той весь капот всмятку.

Чувствую, что сегодняшняя поездка к Игорю на «фазенду», как именуют в его семье загородный домик, мне не светит. Несмотря на то, что мне кажется, что со мной все в полном порядке, все же не мешает удостовериться в отсутствии серьезных травм.

Больничные коридоры переполнены людьми – все они жаждут внимания, но не все его получают сразу. Ничего удивительного – судя по тому, что я наблюдаю вот уже целый час, пациентов здесь в десять раз больше, чем врачей. Наконец подходит и моя очередь, пожилой врач осматривает меня и дает направление на рентген. У рентген-кабинета, разумеется, тоже очередь, иначе не бывает. Еще полчаса моей жизни утекают в небытие. Через час, держа в руках вожеленный снимок, возвращаюсь к доктору.

Уставший эскулап говорит мне, что всё в порядке – пере-

ломов нет, есть ушибы, но это заживет. Сотрясения мозга я также не удостоилась, поэтому смело могу отправляться домой. На посиделки с однокурсниками уже нет ни сил, ни времени.

Выхожу из кабинета, и, не глядя по сторонам, направляюсь к выходу. Вдруг чувствую, как кто-то догоняет меня и хватает за руку:

– Катя, да постой же!

Удивленно оборачиваюсь. Да это же обладатель светлых глаз, поразивших мое воображение! Откуда он здесь?

– Наконец-то я тебя нашел! Хорошо, что ты не успела уйти. Ты сейчас куда? Домой? Давай я тебя отвезу?

Ошарашенно смотрю на него. Лихорадочно пытаюсь вспомнить – называл ли он мне свое имя? Вроде бы называл. Дима, кажется? Такой напор меня, честно говоря, пугает. И чего ему надо от меня? Со мной всё в полном порядке. Тут же ему об этом и заявляю:

– Дима, спасибо за беспокойство, но со мной все в полном порядке и я сама могу до дома добраться.

Дима с досадой смотрит на меня.

– Катя, я без всякой задней мысли, честное слово! Просто чувствую себя виноватым, ты чуть не погибла по моей вине. Позволь хотя бы домой тебя доставить с комфортом.

Мне неловко – в самом деле, может, человек от чистого сердца старается, а я нос ворочу.

– Это не ты виноват, а тот парень, что в твою машину въе-

хал. Кстати, что с ним?

– Да все нормально, отделался синяками, да кожу ободрал на лице немного. С таким что делается? Так я отвезу тебя домой?

– А разве твоя машина на ходу?

– Нет, мою на эвакуаторе в автосервис увезли. Я у друга позаимствовал другую тачку. Буду на ней ездить, пока свою из ремонта не заберу.

Вместе выходим на улицу, уже довольно темно. Я все еще в раздумьях – соглашаться или нет. С одной стороны, я со всем его не знаю. С другой стороны – на насильника и убийцу он не похож. Впрочем, если бы все убийцы были похожи на убийц, потенциальные жертвы не торопились бы попадаться в расставленные сети. Решаюсь на хитрость.

– И на какую же машину ты променял свою ласточку?

– Да вот, на эту ауди. Надеюсь, что ненадолго.

Под предлогом того, что мне нужно срочно ответить на смс, извиняюсь и отхожу в сторону. Быстро строчу сообщение Светке – моей подружке со времен школьной поры. Наша дружба проверена годами – несмотря на то, что теперь учимся в разных вузах, мы всегда находим время поддержать друг друга в сложных ситуациях, часто ходим друг к другу в гости и знаем друг о друге практически все.

«Привет. Уехала на серой ауди, 587. Зовут Дима.»

В ответ тут же прилетает:

«Привет. Что происходит? Мне надо волноваться?»

«Пока нет. На всякий случай».

Отправив смс, кладу телефон в карман. Дима стоит у машины, облокотившись на открытую дверцу машины, и разглядывает меня. Кажется, он раскусил мою хитрость – взгляд немного насмешливый. Ну и ладно, зато мне так спокойнее – если я пропаду, то, по крайней мере, я оставила зацепку для следствия.

– Ну что, едем? – Интересуется мой добровольный извозчик.

– Угу.

– Ты где живешь?

– На юго-востоке, недалеко от кинотеатра «Маяк».

– Ясно. Пристегнись, пожалуйста.

Дима – аккуратный водитель, ведет машину спокойно и уверенно, никого не подрезает и не обгоняет. Постепенно я успокаиваюсь и даже начинаю получать удовольствие от поездки. Вечерний город всегда кажется мне немного таинственным и мрачновато-романтичным. Когда солнце заходит, привычные нам улицы и дома приобретают совсем другой вид, игра теней превращает обыденные вещи в незнакомые. Некоторые здания утопают в свете витрин, другие же, словно темные провалы, влекут к себе странных личностей. Проезжаем мимо ряда старинных двухэтажных особняков, расположенных в центре города. Они в удручающем состоянии, а ведь когда-то принадлежали семьям зажиточных купцов, были предметом гордости одних и зависти других. Ка-

кие-то здания еще можно отреставрировать, но многим из этих прекрасных некогда особняков суждено кануть в реку забвения в ближайшие годы.

Понемногу Диме удается меня разговорить. Кажется, что ему интересно всё – где я живу, с кем, чем занимаюсь. Узнав, что я учусь в Политехническом, он довольно сообщает, что заканчивал факультет информатики там же. Вспоминаем преподавателей, различные факультеты, студенческие байки и традиции нашей альма-матер. Внезапно я осознаю, что уже не воспринимаю Диму как чужого человека, у меня такое чувство, что мы знакомы уже очень давно, просто не виделись несколько лет, а теперь встретились и нам есть что обсудить и есть, кому перемыть косточки.

Незаметно за разговором подъезжаем к моему дому.

– Катя, давай вместе куда-нибудь ходим. Я приглашаю тебя в кино. Например, завтра? Раз уж по моей вине ты сегодня не поучаствовала в вашем студенческом сабантуе, то я просто обязан тебе это как-то компенсировать.

Я смущаюсь, ведь совершенно понятно, что речь не просто о компенсации. Фактически мне назначают свидание. Стыдно сказать, я ни разу не была на свидании и с трудом представляю, как на них надо себя вести. Вся моя жизнь была посвящена учебе и немногочисленным подработкам, которые удавалось найти. Заниматься личной жизнью мне как-то пока не довелось. Но я, разумеется, соглашаюсь пойти с Димой в кино. Раз уж мы нашли о чем поговорить сегодня

вечером, то и завтрашний вечер обещает быть интересным.

4.

Катя

Настоящее время

Первые дни декабря, но осень не спешит уходить из города – снег выпадал уже несколько раз, но все время таял, оставляя после себя грязные серые лужи на асфальте. Сегодняшнее утро наконец-то похоже на настоящее зимнее утро – за ночь снег припорошил дороги и вернул людям ощущение предстоящего Нового года. Снежинки в свете фонарей создают маленькие снежные вихри, легкий морозец щиплет нос и щеки. Мы с Данькой спешим в детский сад, нам нужно успеть к завтраку, к тому же внезапно обзаведшиеся приплодом детсадовские хомячки вызывают нешуточный интерес у ребенка. Сегодня он проснулся раньше меня, быстро собрался и без пятнадцати восемь уже стоял в прихожей. Ясное дело, за хомячковой семьёй должен кто-то присматривать, эту ответственную миссию никак нельзя доверить ни Мишке, ни Стёпке, ни Пашке.

Отведя Даньку в садик, еду к Конгресс-Холлу – сегодня второй и заключительный день конференции. Прослушаю оставшиеся лекции, получу сертификат и незаметно сбегу. Раз уж выдалась такая возможность, сходим с Данечкой погулять в парк. Впереди еще два выходных дня, мы с сыном придумаем, как их провести весело и с пользой.

Где-то на периферии сознания мелькает воспоминание о Диме, но вчерашняя встреча сегодня видится мне как нечто эфемерное – как сон, который был таким явственным, но с наступлением утра растаял. Может, и не было вчера никакого Димы, а мне померещилось?

Конечно, я вполне различаю сны и реальность, поэтому усмехаюсь про себя. К сожалению, это не сон. Впрочем, одна случайная встреча не является чем-то из ряда вон выходящим. Вполне возможно, что мы больше никогда не увидимся.

Но, судя по дальнейшим событиям, у Судьбы на нас свои планы.

Сегодня лекции идут на ура – то ли темы актуальные и на злобу дня, то ли слушатели с докладчиками бодрее в предвкушении уик-энда. На сегодня не запланировано презентаций, поэтому я неприятно удивляюсь, когда в перерыве замечаю в противоположном конце зала знакомую фигуру. Может, показалось? Делаю вид, что не заметила и быстро отворачиваюсь. Больше даже смотреть в ту сторону не буду.

Вот он – тот момент истины, ради которого я здесь – вручение сертификатов. Ассистент называет фамилии, мы выходим и забираем доказательства того, что прослушали курс. Наконец называют мою фамилию, я встаю с места и иду по проходу вдоль стульев. Внезапно ощущаю странное жжение между лопаток – как будто кто-то сверлит мне спину взглядом. Забираю сертификат, отсвечиваю положенной в таких

случаях улыбкой, и возвращаюсь на место, по пути сканируя взглядом зал. Ну конечно, это они – стальные светлые глаза – смотрят прямо на меня, пристально, с прищуром. Отворачиваюсь и, как ни в чем не бывало, иду своей дорогой.

Организаторы учли вчерашние ошибки и сегодня постарались на славу – столы ломятся от выпечки, разного вида печенья и конфет. Замечаю вчерашнюю знакомую, ту, которая чуть не уснула во время лекции – она стоит одиноко со стаканчиком кофе и время от времени посматривает на дверь. Вот я и нашла себе компанию для организации забега, надеюсь, она меня помнит. Нет, я, разумеется, и одна могу уйти, но прогуливать мероприятия вдвоем как-то спокойнее. Все самое важное позади, а распивать чай нам недосуг.

– Добрый вечер! Как себя чувствует ваш ребенок сегодня?

По глазам вижу, что женщина меня узнала.

– Добрый вечер! Спасибо, сегодня гораздо лучше. Меня Таня зовут, а вас?

– А я Катя. Как вам курс лекций?

– Да в общем я довольна, все на достаточно хорошем уровне организовано. Всю эту информацию, конечно, можно в свободном доступе найти, но на таких мероприятиях она как-то более упорядочена и сконцентрирована. Опять же, сразу и обсудить можно некоторые моменты.

– Это точно.

Так, болтая ни о чем, постепенно приходим к выводу, что надо делать ноги отсюда. Продвигаемся бочком все ближе

и ближе к выходу и вуаля! – нам удастся выскользнуть за дверь. Смеемся, как две сбежавшие с урока школьницы и направляемся к гардеробу. Впрочем, мы не одни такие шустрые – там уже стоят те, кому удалось сбежать раньше.

Прощаемся на крыльце Конгресс-Холла – нам с Татьяной в разные стороны. Я спешу на остановку общественного транспорта – в это время маршрутки, как правило, переполнены, весь рабочий люд едет по домам после трудового дня.

Стою на светофоре на одном из самых оживленных пешеходных переходов нашего города, потоки машин движутся рекой – сейчас как раз самое время пробок на дорогах. Надеюсь, мне повезет, и я доберусь до детсада раньше, чем Данька останется в группе в гордом одиночестве. На зеленый сигнал светофора вместе со мной на проезжую часть шагают человек десять, все торопятся по своим делам, большинство по сторонам не оглядываются – раз горит зеленый сигнал, значит, можно идти. Доходим до середины проезжей части, меня обгоняет какой-то первоклашка с огромным портфелем, портфель так велик, что первоклашка напоминает черепашку-ниндзя в полной боеготовности.

Вдруг слышу громкий хлопок и стоящая на светофоре большая белая машина, стоящая в паре метров от пешеходной зебры, быстро начинает приближаться к «черепашке-ниндзя», грозя его задавить. Не отдавая себе отчета в собственных действиях, хватаю ребенка за рюкзак, и вместе с ним разворачиваюсь влево, отталкивая его с траектории уда-

ра. Мальчишка отлетает в сторону, а я чувствую острую боль в правом бедре, ноги подкашиваются, и я падаю на дорогу, прямо под колеса автомобиля. С ужасом понимаю, что сейчас меня раздавят эти огромные колёса, следом молнией пронзает мысль: «Кто же заберет Даньку из садика, ведь я даже не успеваю никому позвонить». Зажмуриваюсь, приготовившись к страшной боли, еще более страшной, чем та, что уже есть. Я еще не знаю, каково это – вот так умирать, лежа на грязной дороге, но уже понимаю, что это жутко и бессмысленно. И, наверное, очень больно. Данька будет жить с бабушкой, будет ли он счастлив? Вряд ли, ведь у него не будет ни отца, ни матери. Все эти мысли со скоростью и интенсивностью молнии пронзают мой рассудок одновременно.

Но почему-то боли нет. Да, очень сильно болит бедро и теперь еще левая рука, но в целом я, по всей вероятности, пока еще жива. Значит, смогу вовремя забрать Даньку из садика. Начинаю подниматься, помогая себе правой рукой, но правую ногу тут же пронзает острая боль. Снова падаю обратно, я в панике – вот-вот загорится красный свет, а я лежу на дороге и не могу с нее уползти. Чувствую, как из глаз непроизвольно текут слезы от страха и бессилия. Слышу, как кто-то подбегает ко мне и до отворачивания знакомый баритон произносит:

– Девушка, вы живы? Где болит? Не двигайтесь, я скорую вызову.

Черт побери! Кажется, у меня дежавю. Все это уже было

со мной шесть лет назад. И тогда этот же голос говорил те же самые слова. Я прекрасно помню, чем все это закончилось. Вот какого черта ему опять надо? Следит он за мной, что ли? Зачем? Шесть лет не нужна была, а сейчас-то что произошло? Снова пытаюсь встать, теперь уже опираясь на левую ногу, кое-как, но мне это удастся. Я стою практически на одной ноге, но не понимаю, как мне теперь доскакать до какой-нибудь скамейки и вызвать такси. Снова слышу ненавистный голос:

– Девушка, вам нельзя двигаться, ну зачем вы встали? Подождите, я помогу вам сесть в машину.

– Не трогай меня!

Вырываю свою руку из его хватки, но с удержанием равновесия у меня проблемы – меня ведет в сторону. Чувствую, как Дима хватает меня за талию, разворачивает к себе и удивленно восклицает:

– Катя?!!

– Да, это я. Дальше что? Отцепись от меня, я тороплюсь, меня ждут.

Вижу, как его губы сжались в тонкую полоску, а крылья носа затрепетали – он злится. За те полгода, что мы были вместе, я неплохо выучила его мимику и привычки. На выдохе он почти выплевывает мне в лицо:

– Ничего страшного, подождут. Садись в машину.

– Нет.

Понимаю, что упрямитесь глупо – не стоять же мне на до-

роге подобно одноногой цапле, а проскакать на одной ноге до пешеходного тротуара я не в состоянии. Очевидно, что мне нужна помощь. Но принять помощь от этого человека я не могу, даже мысль об этом вызывает отторжение у всего моего организма. Я не хочу, чтобы он прикасался ко мне, чтобы он разговаривал со мной, чтобы он появлялся в моей жизни. Пусть проваливает туда, откуда явился.

Снова загорелся зеленый сигнал, и я решаюсь. Отталкиваю от себя Диму и делаю маленький прыжок на здоровой ноге. Еще один. Как хорошо, что сегодня нет гололёда. Готовлюсь к третьему прыжку. Никогда не думала, что с одной ногой так неудобно жить. Вдруг сильная рука хватается меня за талию и тащит назад. Все мои достижения – целых два прыжка(!) пропали зря! Это меня злит невероятно, я начинаю молотить кулаками по тому, кто меня держит. Впрочем, даже не оборачиваясь, я знаю, кто это. Это человек, которого я ненавижу. Я думала, что он не вызывает у меня никаких эмоций, все эмоции я давно похоронила и забыла. Я похоронила прошлое и начала новую жизнь в тот день, когда в больнице мне сказали, что я беременна. Я думала, что все эмоции давно перегорели – злость, ревность, обида, недоумение. Но я ошибалась – призрак из прошлого возник передо мной и вместе с ним, как феникс из пепла, возродилась ненависть. Накрывшая меня волна ненависти такая яростная и жгучая, что мне трудно, практически невозможно, удержать ее внутри.

– Катя, угомонись! Тебе нужно в больницу. Если ты думаешь, что мне хочется возиться здесь с тобой, то ты глубоко ошибаешься.

– Вот и не возись, тебя никто не просит. Убери от меня свои руки!

Надеюсь, теперь-то он от меня отстанет? Но, Дима, как ни в чем не бывало, тащит меня в машину. Я вынуждена ухватиться за него, иначе рискую опять свалиться в грязь.

– У меня вся одежда грязная, я запачкаю твою машину. Посади меня на какую-нибудь скамейку и уезжай. Я позволю, и за мной приедут. У меня к тебе нет никаких претензий, оставь меня в покое.

– У тебя нет, а у меня есть.

Измученно таращусь на этого наглеца:

– Что? У тебя ко мне претензии? Совсем спятил?

– У меня к тебе масса претензий. Но речь сейчас не об этом, а о твоей ноге. На улице зима, на какой скамейке и кого ты собираешься ожидать?

– Не твое дело!

Он выходит из машины, с силой захлопывает дверь. Я вижу, что приехала полиция, а скорой почему-то все нет и нет. Может, он забыл ее вызвать? Тут вспоминаю, что у меня ребенок в садике, бедный Данька, наверное, потерял маму, переживает.

Лихорадочно набираю Веру Ивановну:

– Вера Ивановна, простите, Бога ради! Тут такая ситуация

– я в аварию попала, поэтому опаздываю. Ждем скорую – вероятно, у меня перелом или сильный ушиб. Вы не говорите Даньке, пожалуйста, он переживать будет. Я сейчас кого-нибудь попрошу его забрать.

Вера Ивановна сочувствующе охает – конечно, она побудет с Данькой сколько нужно.

Добрая женщина, нам чертовски повезло с воспитательницей. Звоню Светке, с которой мы неразлучны вот уже, дай Бог памяти, двадцать лет.

– Светик, выручай, пожалуйста!

– Что случилось? Куда бежать?

– Я тут немного под машину угодила...

– Что?!!!

– Совсем чуть-чуть, не переживай. Сейчас в травмпункт поеду. Забери, пожалуйста, Даньку – он там бедный один в детсаду остался.

– Да не вопрос! Уже бегу! Будь на связи, если что, я тебе позвоню.

Ну и где же скорая помощь? Я Деда Мороза под Новый год так не ждала, как ее сегодня. Сидеть в этой машине невыносимо, да и нога болит с каждой секундой все больше. Слезы непроизвольно бегут по щекам.

Слышу, как открывается дверь с водительской стороны, Дима садится в машину и трогает с места.

Я в панике:

– Куда ты меня везешь?

– В больницу. Скорая где-то застряла, неизвестно когда будет.

Я умолкаю. Хорошо, что успела позвонить Светке до его прихода. Я не хочу, чтобы он знал о том, что у меня есть ребенок. Этому человеку я не доверяю, чем меньше он знает обо мне, тем лучше.

Снег валит все сильнее, дворники на лобовом стекле не успевают смахивать мокрые снежные кляксы. При нулевой температуре снег не выглядит так красиво, как при минусовой.

Стоим в пробке, справа и слева ряды таких же узников дорог, как мы. Кто-то нервно сигналист, кто-то безучастно пялится в окно, устав бороться с судьбой. Река машин движется медленно, но верно, продвигаясь вперед на один метр в минуту.

Наконец вырываемся из этой западни, и машина быстро набирает скорость.

Через двадцать минут добираемся до травмпункта, Дима оставляет меня в приемном покое, а сам проходит куда-то внутрь, за вертушку проходной. Странно, что строгая вахтерша его не остановила. Хотя, такого остановишь, пожалуй.

Пользуясь моментом, звоню Светке:

– Ну что, как у вас дела?

– Все нормально, мы с Данькой у вас дома. Смотрим мультики и пожираем пищу.

В этом вся Светка – она просто находка для детей, пре-

красно находит с ними общий язык. Еще бы, у них практически одинаковые интересы – подруга обожает мультфильмы, пиццу, фаст-фуд, мороженое и аттракционы всех видов. Об этом знаю только я, Данька и Светкины близкие родственники, для всех остальных она ведущий юрист одной из крупных консалтинговых компаний.

Быстро отключаюсь – идет Дима, лицо у него сейчас – «не подходи, убьет». Странно. Я вообще-то не навязываюсь, пусть оставит меня здесь и растворится в ночи. Кажется, он что-то о претензиях говорил? Белены объелся, что ли? Как будто это я своей ногой повредила его драгоценную тачку, а не наоборот.

Он снова помогает мне встать, хватает за талию и вдвоем мы ковыляем в святая святых – за вертушку, которую аки дракон охраняет боевая старушка с вязальными спицами в руках. В голову приходит нелепая мысль, что старушка – это замаскированный суперагент, а вязальные спицы – это не просто спицы, а супероружие, которыми она может заколоть посягнувших на священное пространство приемного покоя. Тьфу ты, ну что за бред лезет в голову! Не иначе, как последствия шока.

5.

Дима

Настоящее время

Видимо, удар был неслабый. Я даже поначалу не понял, что это Катя – она в капюшоне была, я и не узнал. Все произошло в течение нескольких секунд – удар сзади и вот я вижу, как мой внедорожник надвигается на ребенка с огромным рюкзаком, вот девушка в капюшоне отталкивает ребенка с моего пути, вот она падает прямо под колеса моего автомобиля. Мне удастся остановить машину, но чувствую, что моя машина все-таки задела ее.

Долбаное дежавю! Смотрю на Катю, которая пытается вырвать руку из моей хватки, и ничего не понимаю. Как она здесь оказалась?

Наверное, пораньше ушла с конференции, многие там до сих пор чай гоняют.

Пытаюсь разглядеть девушку, которую, я когда-то любил. С тех пор прошло... Сколько? Пять? Шесть лет? Вроде бы шесть. А кажется, что целая вечность. Мы тогда были друзьями, я-то уж точно.

Кажется, и ее характер изменился не в лучшую сторону. Брыкается как лошадь и плюется ядом как гибрид верблюда со скорпионом. Тащу Катю в машину, ее идея доскакать до противоположного края дороги мне категорически не по

душе. Да что с ней такое? Я понимаю, конечно, что я, хоть и не по своей вине, но нанес ей травмы. Но это же не повод лупить меня при всем честном народе.

Кое-как заталкиваю ее в машину и блокирую двери. Нехорошо, конечно, так обращаться с жертвой аварии, но иначе она ускачет куда-нибудь, что твоя лягушка. Интересно, кто ее ждет? Муж? Любовник? Кольца-то нет на правой руке. Впрочем, какая разница, мы давно чужие люди. Хотя когда-то мне казалось, что ближе человека нет на свете. Говорят, что самый смертельный удар нам наносят самые близкие нам люди. Так оно и есть, я постиг это на собственном опыте.

Надо же, судьба-насмешница столкнула нас опять. Вчера, в Конгресс-Холле я не поверил собственным глазам – во втором ряду прямо передо мной сидела та, которую я еще долго после отъезда из этого города вспоминал не самыми лестными словами. Со временем все не то чтобы забылось, но болезненные воспоминания притупились – были другие женщины, другие заботы, новая жизнь, новый город, новая работа.

А она изменилась, в ней появилось что-то, пока не пойму что, какая-то изюминка. Раньше Катя была милой девочкой, очень симпатичной. Когда мы познакомились, она как раз заканчивала тот же институт, в котором и я когда-то учился. Нам было легко вместе, у меня все время было такое ощущение, что мы знакомы миллион лет. Я был уверен, что мы с ней родственные души и в прежних наших воплощениях.

ях наверняка были знакомы. Эх, молодость! Теперь я точно знаю – чтобы не разочароваться в человеке, не надо им очаровываться. В один прекрасный день я понял, что Катя – это просто Катя, она ничем не отличается от тысяч других, это я напридумывал себе небылиц.

Поток воспоминаний прерывается приездом полиции. Кто виноват и ежу понятно – водитель маршрутки-ПАЗа горестно вздыхает возле своей раздолбанной колымаги. Он, блядь, оказывается, уснул за рулём. Не спал уже более суток, т.к. совмещает работу грузчика на рынке с работой водителя маршрутки, вот и вырубился. Успел в последний момент затормозить, а если бы не затормозил, то пострадал бы не только зад моей машины, но и множество людей. Стахановец долбаный!

Скорая застряла где-то в снегах, как вражеская армия под Москвой. Придется везти Катю в травмпункт, с ногой у нее явно что-то не то.

Через час добираемся до больницы, я договариваюсь об осмотре вне очереди – к счастью, здесь работает мой бывший одноклассник и у него передо мной должок. Красивая купюра способна поправить самое дурное настроение – вот и Колька, разом подобрев, важно изрекает:

– Ну давай веди сюда свою пострадавшую, будем смотреть.

Придерживая за талию, помогаю Кате дойти до кабинета врача. Было бы проще поднять ее на руки, да боюсь что-ни-

будь повредить, пока буду поднимать. Если удар пришелся на бедро, там может быть какое-нибудь смещение или перелом. Честно говоря, не знаю, что бывает в таких случаях, ведь я не врач.

Катя смешно сопит. Я уже и забыл, какая она бывает забавная, когда чем-нибудь недовольна. Оставляю ее в кабинете доктора, а сам жду в коридоре. Воспоминания снова настигают меня, как будто кто-то выпустил джинна из бутылки – шесть лет он просидел в той бутылке в заточении, а теперь вырвался на волю и нет с ним никакого сладу.

Мы были вместе полгода, а потом все рухнуло в один момент. Я у Катьки был первым мужчиной. Еще так удивлялся тогда – девчонке двадцать три года, как такое возможно вообще? Катя, она такая – особенная. Точнее, это мне тогда так казалось. Как выяснилось позднее, ничего особенного в ней не было.

Ага, выходит из кабинета. Точнее, выпрыгивает на одной ноге. Куда теперь? Рентген? Хорошо. Помогаю дойти до рентген-кабинета, снова ожидание. Потом возвращаемся к Колькиному кабинету. Ну и каков вердикт? Захожу в кабинет вместе с Катей. Пытаюсь ей помочь, но она отпрыгивает от меня. Кажется, мои прикосновения ей неприятны. Почему-то меня злит сама мысль об этом. Ведь когда-то все было иначе.

Колька нудным голосом начинает объяснять, что к чему. Перелом? И почему я не удивлен? Хорошо, что хоть жива

осталась. Я бы себе в жизни не простил, если бы по моей вине человек погиб. Хоть и виноват в этом водила ПАЗа, но и я тоже вроде как при чём – Катю-то моя машина сбила.

Бывший одноклассник тем временем заполняет какие-то бумаги, о чем-то спрашивая Катю. Волей неволей начинаю прислушиваться.

– Ваше ФИО?

– Сомова Екатерина Витальевна.

– Сколько полных лет?

– Двадцать девять.

– Больничный нужен будет?

– Да, обязательно.

Странно, девичья фамилия. Раз кольца нет, значит, развелась. А фамилию, наверное, обратно девичью вернула. Некоторые так делают, особенно, если развод слишком скандальным вышел.

Я лениво размышляю, разглядывая Катюкин профиль. Хороший, кстати, профиль, чеканный, такой бывает на старинных камнях.

Жду, пока накладывают гипс. И тут слышу, как Катя шмыгает носом. Она плачет?! Радоваться надо, что все живы-здоровы, а она плачет. Вот дурёха!

Вообще-то это уже не моя забота, но я почему-то чувствую свою ответственность. То ли потому что я невольный виновник Катиной травмы, то ли просто потому что это – Катя, с которой связаны как самые лучшие, так и самые худ-

шие воспоминания в моей жизни.

– Катя, не плачь! Ну что ты, в самом деле! Все нормально будет! Заживет еще твоя нога.

– Как я теперь с гипсом буду, я же ничего не могу! На работу не смогу ходить и вообще....

Она внезапно замолкает, потом смотрит на меня и заявляет:

– Неважно. Спасибо за помощь, но мне нужно домой. Я вызову такси, поможешь мне до него доковылять?

– Зачем такси? Я сам отвезу, мне не сложно.

– Это ни к чему, ты и так много времени потратил. Сама доберись как-нибудь.

Что-то темнит Екатерина, вон как занервничала. Совсем как раньше – стоит ей понервничать, она начинает теревить мочку уха. Вот и сейчас, того и гляди ухо себе оторвет.

– Я все равно отвезу, домой ты как заходить собираешься? На одной ноге поскачешь?

Колька разглядывает нас как забавных зверушек – снисходительно и с интересом.

– Уж найду как-нибудь, попрошу кого-нибудь помочь.

Молча встаю, помогаю вредине подняться и, раскланявшись с Николаем, мы покидаем больницу.

Пудобнее устраиваю Катю на переднем сиденье, пристегиваю ремень. Ловлю себя на мысли, что всё происходит совсем как когда-то давно – Катька выбегала из подъезда или с работы, запрыгивала ко мне в машину, а я пристегивал ее

ремнем безопасности – сама она всегда об этом забывала. Некстати совсем эти воспоминания, что от них толку? Все забыто, все быльём поросло. При мысли об этом что-то тоскливо сжимается в груди.

Отбрасываю все ненужные мысли – за последние годы в этом деле я стал виртуозом, и выруливаю на нужную нам дорогу. Тут вдруг вспоминаю, что не знаю, где теперь живет Катя.

– Ты все там же, возле «Маяка»?

– Нет, я переехала недавно.

– Ну тогда говори, куда ехать.

Она называет улицу и рассказывает, как к ней проехать, но с видимой неохотой. Странно, что здесь такого? Не хочет, чтобы я узнал, где она живет? Похоже на то. Поэтому и такси собиралась вызвать. Боится, что я в гости к ней напрашиваться буду? Даже и не собираюсь. Через неделю я покину этот город и неизвестно, вернусь ли когда-то еще. Я и сейчас-то здесь оказался случайно – презентацию должен был проводить мой заместитель. Наша компания – один из организаторов конференции. Мы разрабатываем всякие полезные приложения для сферы финансов, юриспруденции и тому подобного, создаем базы данных, облачные сервисы и прочие необходимые в наше время инструменты для обработки, анализа и хранения данных. Мы с партнером давно не проводим презентации лично, обычно этим занимается или заместитель, или кто-то из наиболее толковых менедже-

ров с хорошо поставленной речью и доскональным знанием продукта. Но в этот раз обстоятельства сложились так, что лететь в этот город пришлось мне. Забавные в жизни случаются совпадения.

Я не был здесь шесть лет и не был бы еще столько же. У меня давно другая жизнь, в этом городе меня ничего не держит – родители отошли в мир иной, когда мне было двадцать пять, других родственников у меня здесь нет. Были друзья, но после моего отъезда наше общение постепенно сошло на нет. Может, Ромку проведать? С ним мы продолжаем общаться в соцсетях – время от времени поздравляем друг друга с праздниками и интересуемся тем, как у каждого из нас обстоят дела. Позвоню завтра Ромке, а может еще кого-нибудь успею повидать из старых знакомых. В этом городе мне еще неделю торчать, раньше улететь не получится – раз уж я здесь, лично займусь контрактами со здешними партнерами и франчайзи.

Город изменился. Не могу сказать, в лучшую или худшую сторону. Больше высоток – среди них и элитные жилые комплексы, и офисные здания. Город готовится к встрече Нового Года – уличные деревья украшены гирляндами, входные группы магазинов тоже не отстают – рождественские венки, Санта-Клаусы и даже сани с оленями можно встретить у магазинов, расположенных на центральных улицах. Сейчас восемь часов вечера, в центре гуляет множество людей – кто-то просто бродит по улицам, кто-то курсирует от магазина к

магазину в поисках оригинальных новогодних подарков.

Выезжаем из центра и движемся на юго-восток. Город не такой уж и большой, с Москвой не сравнить, поэтому должны добраться до Катиного дома минут за двадцать. Интересно, с кем она там живет? Кого-то ведь она хотела о помощи попросить. С недовольством вспоминаю, что она с кем-то разговаривала по телефону, пока я договаривался с Колькой об осмотре. Интересно, с кем? С нынешним бойфрендом, или как это теперь называется? С любовником, короче. Если так, то почему он не приехал за ней?

Впрочем, наплевать! Какая разница? Довезу до подъезда, а там пусть сама, как хочет, добирается, если ей моя помощь не нужна.

Новый спальный район оказался группой панельных многоэтажек. Микрорайон продолжал отстраиваться – неподалеку торчал остов недостроенного дома и пара кранов возле него. Катин дом был ближайшим к дороге, мы поворачиваем во двор и останавливаемся у одного из подъездов.

– Ну что, давай все-таки я тебя провожу до квартиры.

– Спасибо, но не нужно. Меня встретят, я уже договорилась.

И когда только успела? Мне интересно, кто ее встретит, поэтому я твердо решаю дождаться этого святого человека. Помогаю Кате выйти из машины, усаживаю на скамейку возле подъезда, а сам возвращаюсь в машину и жду. Через некоторое время открывается подъездная дверь и оттуда выска-

кивает какая-то девушка. Она подбегает к Кате, а я, присмотревшись, узнаю в ней Светку – Катину подружку. Неужели они до сих пор дружат?

Дождавшись, пока обе девушки зайдут в подъезд, разворачиваю машину и, вырвав со двора, отправляюсь в свой отель.

6.

Катя

Настоящее время

Светка помогает мне доковылять до квартиры, из которой мне навстречу выбегает Данька. В который раз думаю о том, как хорошо, что Дима не пошел провожать меня до квартиры – не хочу, чтобы они с Данькой встретились. В день, когда узнала о своей беременности, я собиралась сообщить ему, но он исчез. Я отправила несколько смс на его номер телефона, все они были прочитаны, а следом пришло сообщение: «Аборт в помощь». Я предприняла еще пару попыток поговорить с Димой, но безрезультатно. Некоторое время спустя, уже оказавшись в больнице и хорошенько поразмыслив, я решила, что это и к лучшему – такой отец вряд ли сможет научить ребенка чему-то хорошему. И нечего теперь ворошить прошлое, Данечка – только мой сын, мое выстраданное и заслуженное счастье.

Мы втроем – я, Данька и Светка уничтожаем остатки пиццы и обсуждаем сегодняшний день. Сын находится под впечатлением – человека с загипсованной ногой он видит впервые в жизни. Учитывая то, что то, что этот человек – его мама, Данька просто заморожен открывающимися перспективами – завтра в детском саду он будет персоной номер один, рассказывая о том, что его мама обзавелась самым настоя-

щим гипсом. Может, стоит доставить мелюзге удовольствие и допрыгать до детсада, чтобы они могли своими глазами увидеть сие чудо – чью-то маму в гипсе.

Отправив Даньку спать, сидим со Светкой на кухне и размышляем, есть ли жизнь с загипсованной ногой. Получается, что есть, но она наполнена фантастическими приключениями. Бытовые проблемы сразу же приобретают поистине гигантские масштабы. Как мыться? Как поддерживать чистоту в доме? Как ходить в магазин? Как водить Даньку в садик? Конечно, гипс – это не навсегда, но надолго. За продуктами придется командировать Женьку – будем запасаться раз в неделю всем необходимым. Отводить Даньку в сад вызывается Светка – слава небесам, она живет в одной остановке от нас. Ну а поддержание квартиры в чистоте придется как-то осуществлять самой, хотя я пока с трудом представляю, как это возможно. Но тут же успокаиваю себя – это не навсегда, это пройдет.

И самое главное – работа. Конечно, меня не уволят. И даже оплатят больничный лист, но больничный – это всего лишь 60% от оклада при моем стаже. Я лишилась почти половины дохода в то время, когда на мне ипотека и ребенок. Вот это действительно меня удручает.

Ладно, где наша не пропадала, бывали времена и похуже. Светка, как иллюзионист, достает откуда-то бутылку вина. Я открываю рот от изумления:

– Откуда дровишки?

– Из дому, вестимо. Заначка – подарок от одного из клиентов. Запасала к Новому Году, но решила, что сегодня для этой славной бутылки настал звездный час!

Чокаемся и выпиваем за наши красоту, здоровье, ум, удачу и прочее. Чтобы они всегда были с нами. Хорошо, что мы со Светкой есть друг у друга. Наконец, чувствуя, что вино благополучно добежало до мозга и штурмует нейроны, я решаюсь:

– Знаешь, кто меня сбил?

– Кто? – Интересуется Светик.

– Дима.

– Какой Дима? – недоуменно спрашивает подружка. – Этот, ваш курьер что ли?

Света знакома с нашим курьером Димкой – как-то раз я просила его доставить документы в Светкину контору.

– Да нет же! – Досадливо морщусь я. – ДИМА!!!

Тут до подруги, наконец, доходит:

– Что?!!! Опять?!!!

Она в курсе, как мы познакомились, да и вообще в курсе всей той давней истории. Светка – одна из немногих, кто меня всегда во всем поддерживал и помогал, она мой ангел-хранитель.

– Ну да, опять.

Рассказываю ей про вчерашнюю встречу и про сегодняшнюю аварию. Она слушает, разинув рот, и время от времени восклицает:

– Да не может быть!

Или:

– Да ну нафиг!

И ещё:

– Ничего себе!

После чего доликает вино в стаканы (более благородными ёмкостями мне пока некогда было обзавестись) и произносит тост:

– За то, чтобы козлы обитали в своих огородах и обходили нас, умниц и красавиц, стороной!

Я смеюсь, кажется, впервые за сегодняшний день! Светику удастся развеять мое мрачное настроение. В конце концов, жива, относительно здорова, голова на месте. С людьми и гораздо худшие вещи могут случаться. Так что мне грех жаловаться. Возможно, эта встреча – намек судьбы? Хотя я и засунула глубоко внутрь все свои переживания и обиды, но не избавилась от них. Сегодняшний день с блеском это доказал – вместо равнодушия я почувствовала ненависть. Рассказываю подруге о том, как я лупила Диму на проезжей части и какую острую всепоглощающую ненависть почувствовала при этом. Мне стыдно, что я себя так вела, но в тот момент эмоции были сильнее меня. Такой позор!

Света, как всегда, на моей стороне:

– Это не позор. А всего лишь воздаяние по заслугам. Кстати, мало воздала, можно было бы и вообще прибить.

– Ты же юрист! У тебя вместо Библии Уголовный Кодекс.

Как ты можешь такое говорить? – Смеюсь в ответ.

– В первую очередь, я женщина. А потом уже юрист. К тому же, я не по уголовным, а по гражданским делам.

Вскоре Светка убегает домой – завтра суббота, но у нее рабочий день – её компания недавно взяла на обслуживание какого-то крупного клиента, у которого на данный момент добрый десяток судебных исков в производстве.

Я тихонько захожу к Даньке в комнату. Сын спит, свернувшись калачиком и подложив ладошки под щечку – он такой милый! Снова замечаю, как сильно он похож на отца. Надеюсь, что только внешне, ибо внутреннее содержание его папаши оставляет желать лучшего.

Судя по всему, Дима даже не помнит, каким было наше расставание, и как мерзко он поступил со мной. Наверное, это для него в порядке вещей, возможно, я была не одна такая среди его пассий. Не жениться же парню на всех залетевших от него девицах, в самом деле! Так никакой женилки не хватит, как говаривала моя прабабушка, Царствие ей небесное!

Да и чёрт с ним! Я благодарю небеса, что отвели его от меня – человек проявил гнилое нутро на начальном этапе наших отношений, что само по себе неплохо. Гораздо хуже, когда люди женятся, обзаводятся совместным хозяйством, ипотекой, детьми и собаками, друзьями, а потом выясняется, что один из супругов вовсе не тот, за кого себя выдавал в начале семейной жизни. Вот это действительно катастрофа,

ведь приходится либо смириться, либо делить все, вплоть до детей, друзей и собак. Я, как оптимист, считаю, что мне повезло – результат наших недолгих отношений тихо сопит в подушку в соседней комнате. Губы непроизвольно растягиваются в улыбку, как всегда, когда я думаю о Даньке. Он – самое ценное, что у меня есть!

7.

Дима

Настоящее время

Ромка раздобрел, теперь он похож на этакого добродушного медведя. Мне удалось сегодня выдернуть его на посиделки в кафе. Здесь я раньше не был, судя по всему, кафе открылось совсем недавно – и кофе, и десерты здесь хороши – я уже успел оценить их по достоинству. Ну какая же встреча старых приятелей без коньяка – сначала добавляем в кофе, а потом кофе оказывается совершенно лишним и только портит вкус благородного напитка. Нам с Ромкой есть что обсудить – мы знакомы с пятого класса, общались в одной компании практически до самого моего отъезда. Не могу сказать, чтобы мы были очень близкими друзьями, однако общих воспоминаний, как выяснилось, у нас вагон и маленькая тележка. Я знаю, что он женат и воспитывает двоих спинногрызов – об этом можно узнать на его страничке в фэйсбуке. Мне интересно, когда же он все это успел. Ромка смеется:

– Да почти сразу после того, как ты уехал. Олеську мою помнишь? Да ты должен помнить, ты ее видел несколько раз, мы же тогда частенько вместе тусили.

Смутно припоминаю, что да, была рядом с Ромкой постоянно какая-то девушка – темненькая, невысокого роста, вроде бы действительно звали ее Олесей. Киваю, чтобы не оби-

деть приятеля. Он довольно продолжает рассказывать:

– Ну вот, Олеся забеременела тогда, мы и поженились приблизительно месяца через два после твоего отъезда.

– Ясно. Прими поздравления, хоть и с опозданием. Из наших видишь кого-нибудь?

– Редко. У всех работа, семьи. Сейчас время такое – ничего не успеваешь. Да и, честно говоря, с некоторыми людьми желания общаться у меня не возникает.

Не решаюсь уточнить, кого он имеет в виду. Среди наших общих знакомых была парочка таких неприятных типов, уж не помню, как они прибились к нашей компании. То ли кто-то их привел с собой, то ли просто чьи-то родственники. Мы их между собой называли Штепселем и Тарапункой – из-за их разницы в росте и телосложении. Однако с известным комическим дуэтом их роднили лишь прозвища, в общении эта двоица зачастую была неприятна – неприкрытый снобизм так и сочился из них. Уж не знаю, что заставляло двух мажориков, единственной жизненной проблемой которых было определиться с цветом штанов для променада, якшаться с нами – обычными смертными. Возможно, какие-то болезненные комплексы – не удивлюсь, если их и в родной тусовке не желали принимать. Воспоминание об одном из них вызывает у меня до сих пор стойкое желание расквасить ему нос.

Продолжаю расспрашивать Ромку об общих знакомых. Все ожидаемо – кто-то женился, кто-то спился, кто-то уехал

жить в другую страну, а кого-то уже нет на этом свете. Тут вдруг ни с того, ни с сего ляпаю:

– А я Катьку встретил позавчера, представляешь?

– Это которую?

– Ну с которой я встречался до самого своего отъезда, помнишь?

В Ромкиных глазах мелькает узнавание:

– Точно-точно, я вспомнил. Я, кстати, видел ее после твоего отъезда. Еще удивился – я думал, вы вместе уехали, оказывается, что нет. Ты так внезапно тогда ринулся в Москву, я и не знал, что тебя нет в городе. Мне уже потом кто-то сообщил.

– Нет, я один уехал.

Я не хочу вдаваться в подробности давних событий. Вспоминать о произошедшем мне неприятно, да и кому нравится признавать себя рогоносцем.

Приятель, видимо, не замечает, что тема мне неприятна и продолжает вспоминать:

– Я ее в больнице встретил, у меня тогда Олеська на сохранении лежала. Пока ждал свою, смотрю – Катя твоя идет по коридору. Правда, она не пожелала со мной говорить, сделала вид, что не заметила. Но я не в обиде, у беременных все сложно бывает с головой – ничего не поделаешь, природа!

Ромка начинает рассказывать анекдоты из семейной жизни – наличие дважды беременной жены позволило ему накопить немало смешных историй.

Перебиваю Ромку и спрашиваю:

– А почему ты решил, что беременная? В гинекологии, наверное, не только беременные лежат?

– Так мне Олеся сказала, с ней-то Катя разговаривала, в отличие от моей персоны. Но, Олеська говорила, что странная она какая-то была, как будто не в себе.

Вчера Катя мне показалась вполне вменяемой, правда очень сердитой.

Темная какая-то история. Что она делала в гинекологии, если была беременна? Делала аборт? И чей это был ребенок – мой или того ублюдочного мажора, с которым она кувыркалась, пока я был на работе? Если бы ребенок был моим, она бы, наверное, мне сообщила об этом? А если это ребенок от того ублюдка, то где он сейчас? Вчера Катя ничего не говорила ни о каком ребенке. Впрочем, может она и сама не знает, кто отец.

Эта история не дает мне покоя, я продолжаю аккуратно подводить Ромку к этой теме. Но он уже мало что помнит, все-таки шесть лет прошло.

– Дима, я если честно, особо не вникал. У меня тогда у самого столько хлопот было – Олеська беременная, подготовка к свадьбе, родители в полном ахтунге – они морально не были готовы к моей невесте, она ведь намного меня младше. Нам с тобой тогда было по 27 лет, а Олеське моей только-только девятнадцать должно было исполниться.

Да, нам тогда было по 27, я работал системным админи-

стратором в хорошей компании, зарплату неплохую получал. К тому же, сколько себя помню, у меня всегда были какие-то левые подработки, я их не искал, они сами меня находили. Когда я узнал о том, что пока я впахивал, моя девушка спит с одним из моих знакомых, я был просто в ярости. Тем более, что трахалась она ни с кем иным, как с одним из тех мажоров, озабоченных цветовой дифференциацией штанов. Уж от кого, а от Кати я не ожидал такой подлости, как-то вот не вязался ее светлый образ с подобным дерьмом.

– Ну может, Олеська твоя хоть что-то помнит? – С надеждой спрашиваю Ромку.

Ромка чешет лоб – есть у него такая привычка, еще с детства.

– Может и помнит – женщины, они в этом плане более щепетильные создания. Расспрошу ее сегодня, может чего и расскажет.

Поболтав еще немного ни о чем, расстаемся. Я направляюсь в отель, а Ромка к своей благоверной и детям. Ловлю себя на мысли, что я даже немного завидую ему – его дома кто-то ждет и, судя по его физиономии, он вполне счастлив этим.

Что такое счастье? Никогда не задумывался над этим, точнее, всегда держал в голове давно сформулированный кем-то ответ: счастье у каждого своё. У кого-то деньги, у кого-то семья. Или работа. Вариантов много. Но есть в этом утверждении какое-то лукавство. Вот у меня есть и деньги, и работа любимая. Семьи нет, но я и не горю желанием ее заводить.

Счастлив ли я? Непохоже. Я просто живу, живу с комфортом, время от времени чем-то себя развлекая. Может быть, счастье – это когда ты получаешь то, что хочешь? Но ведь после этого ты захочешь еще чего-нибудь другого, а значит, опять будешь несчастлив, пока не получишь желаемого. И опять. И опять. Значит, счастье недостижимо в принципе?

Или счастье – это когда ты уже ничего не желаешь? Но ничего не желают только покойники. Живым все время чего-нибудь хочется – денег, общения, славы, развлечений, вкусной еды, почесать левую пятку. Значит, живые все время несчастны? Философская проблема, однако. Наверняка, ее уже пытались решить и не смогли. Кто я такой, чтобы отбирать хлеб у гигантов мысли? Надеюсь, как выяснят, сообщат всему миру.

Возвращаюсь к вещам более тривиальным. Ромкины слова не дают мне покоя. Казалось бы – прошло столько лет, у меня своя жизнь, у Кати своя. Лелеять старые обиды ни к чему, мы оба взрослые люди. Наверняка, она сказала бы мне, если бы ребенок был моим. Или не сказала бы? Чёрт их знает, этих женщин, что у них в голове. Ведь и измены я от Катки не ожидал.

8.

Шесть лет назад

Дима

Жду Катерину на парковке возле бывшего своего вуза. Она должна вот-вот появиться – сегодня у нее была консультация по дипломной работе. Мы официально вместе уже две недели и у меня такое чувство, что я встретил стопроцентно своего человека – настолько нам комфортно вдвоем. Чужой человек рядом со мной иногда вызывает раздражение, особенно если он находится поблизости слишком долго. Других женщин я не приводил к себе домой. Для меня мой дом – святыня, здесь жили мои родители, здесь теперь живу я. Я с трудом выношу чужих на своей территории.

Но я решил сегодня пригласить Катю в гости, мне почему-то хочется, чтобы она увидела, как я живу.

Как я и предполагал, я не испытываю негативных эмоций от присутствия Катерины в моей квартире. Даже наоборот – мне нравится, что она рядом, что она ходит по этим комнатам, рассматривает книги и фотографии. Мои родители собрали в свое время неплохую библиотеку, а я взял на себя обязательство – в память о них сохранить ее во что бы то ни стало. Время от времени я продолжаю пополнять библиотеку наиболее достойными, на мой взгляд, современными авторами. К сожалению, таковых немного, но они есть.

Вижу, что Кате слегка неловко, поэтому, чтобы снять напряжение, предлагаю выпить чаю. Девушка с радостью соглашается. Оба идем на кухню, я ставлю чайник и достаю чашки и прочее, что полагается в таких случаях.

Я не прочь перевести наши отношения в более взрослую плоскость, но чувствую, что Катя еще не готова к этому. А торопить её я не хочу – слишком боюсь обидеть. Со мной такое впервые, чтобы я настолько трепетно относился к девушке. Мне хочется ее оберегать, защищать, спрятать от всего мира и никому не показывать, это – только моё сокровище. Я бы приходил домой и как тот чудик из «Властелина колец», протягивал бы руки к Катькиному хрупкому соблазнительному телу и стонал бы в экстазе: «Моя пре-е-е-елесть!».

Только Катерина Витальевна не из тех девиц, что будут у окна сидеть, да носки вязать. Планы у нее наполеоновские – защита диплома, поиск работы и карьера. Современные девушки – они такие. Впрочем, как только впереди маячит перспектива удачного замужества, многие мигом забывают о своих планах и принципах. Но Катя и в самом деле дома сидеть не будет, это я уже понял – такую целеустремленную и способную к наукам барышню еще поискать надобно.

Дальше поцелуев и обнимашек у нас дело пока не дошло. Начинаю подозревать, что моя Катерина Витальевна – девственница. Знаю, звучит феерично неправдоподобно – двадцать три года, последний курс института и – девственница? Спросить ее в лоб об этом, что ли? Лучше не буду – боюсь,

еще больше засмущается.

И тут она сама внезапно поднимает эту тему:

– Дима, мне кое-что сказать тебе надо.

Вижу, что она мнетя и ерзает на стуле, покраснела вся как помидор.

Про себя смеюсь. Но внешне – ни-ни! Обидится еще, убежит. Делаю максимально серьезное лицо и вопросительно смотрю на Катьку.

Она продолжает:

– Ну, мы же с тобой как бы встречаемся? То есть – мы вместе?

– Угу. – Жду, что она скажет дальше.

– Наверное, у нас должен быть секс? – Теперь она покраснела еще больше, мне кажется, что если её раздеть, то она будет вся красная, вплоть до пальчиков ног. Проверить, что ли? Так, мысли о раздевании пока в сторону! У нас вроде как серьезный разговор. Волевым усилием возвращаю себя к нити разговора, в частности – к Катиному вопросу о том, должен ли у нас быть секс.

– Наверное, должен быть. – Еле сдерживаюсь, чтобы не фыркнуть прямо в кружку с горячим чаем.

– Ну вот, я давно хотела тебе сказать – я в принципе не против, но я не умею ничего, я... У меня никого раньше не было, вот! – Выпаливает она на одном дыхании. И вздыхает облегченно – всё, самое страшное сказано, отступить некуда.

Я, улыбаюсь до ушей – видимо, я такой же дремучий

собственник, как и многие мои собраты по игрек-хромосоме. Раньше я об этом и не подозревал. Воистину, всю нашу жизнь мы познаем самих себя!

Чувствую, что надо что-то сказать. Интересно, что принято говорить в случае, если девушка сообщает тебе о том, что она еще девственница?

«Дорогая, это чудесно!»

Или:

«Любовь моя, очень жаль, теперь мне придется мучиться, пытаясь проткнуть эту хреновину, именуемую девственной плевой!»

Что-то подсказывает мне, что обе эти реплики никуда не годятся.

Я молча подхожу к Кате, сажусь рядом с ней на кухонный диванчик и пересаживаю к себе на колени. Чувствую, что она напряжена – ждет моей реакции на свои слова. Притягиваю ее голову к своей груди и обнимаю, успокаивающе поглаживая затылок.

– Кать, ну что ты так разнервничалась? Это хорошо, конечно, что ты «в принципе не против». – Тут я усмехаюсь ей в макушку. – Это упрощает дело. Потому что если бы ты была против, то мне пришлось бы несладко. Представляешь, как бы я с тобой мучился всю жизнь? Я как-то не рассчитывал на пожизненный целибат. Но, поскольку я с тобой расставаться не собираюсь, а изменять мне воспитание не позволяет, мне пришлось бы всю жизнь прожить с тобой мона-

ХОМ.

Ага, чувствую, Екатерина Витальевна перестала смущаться и начинает злиться. Она выворачивается из моих объятий и заглядывает мне в лицо:

– Ты смеешься надо мной?!

– А ты предлагаешь всплакнуть? Так вроде бы нет повода – ты же «в принципе не против»?

Вижу, как Катюшкины губы расползаются в улыбке. Ну вот, кажется, очаги напряженности удалось погасить. Наверное, во мне умер дипломат. Или еще не умер? Может, я еще успею сделать карьеру на этом попроще?

Да и черт с ней, с дипломатической карьерой. Сейчас есть дела поважнее – резко накрываю Катюшкины сладкие губы своими, она что-то мычит мне в рот, потом сдаётся, перестает изворачиваться и отвечает на поцелуй. Чувствую, как ее руки обвиваются вокруг моей шеи, меня обволакивает ее аромат. Я не знаю, каким духами она пользуется, но ни у кого другого я не встречал такого запаха – цветочно-медового, так пахнут нагретые жарким летним солнцем луга разнотравья.

Моя рука скользит к ней под рубашку, я осторожно расстегиваю бюстгальтер и получаю доступ к самой красивой на свете груди, во всяком случае, никакой другой мне сейчас не нужно. Ласкаю большими пальцами соски, Катя опять стонет мне в рот. Если мы сейчас не остановимся, всё случится прямо здесь – я возьму ее прямо на этом кухонном диванчике.

Но я не хочу, чтобы её первый раз был таким, с ней все должно быть по-другому. Аккуратно возвращаю предмет нижнего белья на место и застегиваю. Всматриваюсь в Катюшкино лицо – зрачки расширены, на щеках румянец, смотрит на меня совершенно осоловелым взглядом. Я одергиваю на ней рубашку и щелкаю легонько по носу:

– Допивай чай и пойдем гулять!

Кажется, Катя не слышит меня. Снова притягиваю ее к себе и шепчу в ухо:

– Или мы сейчас идем гулять или все случится прямо здесь и сейчас, третьего не дано. Лично я сдерживаюсь из последних сил, но думаю, тебе бы хотелось более романтической обстановки.

Чуть помедлив, она утыкается носом мне в шею и отвечает:

– Главное, что это ты. А где и когда – это уже не так важно, понимаешь?

– Эх, Катя, Катя! Что же ты со мной делаешь-то! В кои-то веки позволь мне побыть рыцарем. Давай так: я приглашаю тебя к себе в гости в эти выходные. С ночёвкой. Завтра пятница, вот и останешься у меня, отпразднуем первую написанную тобой главу диплома. Ну, как тебе такое предложение?

– Заманчивое приглашение. – Вижу, что она смущена, но старается держаться непринужденно.

Катя вызывается помыть посуду, а я допиваю свой чай и

молча наблюдаю за ней. Мне нравится в ней всё – ее профиль, ее запах, то, как она держит мыльную губку в правой руке, как она откидывает волосы, когда они лезут ей в глаза. Ее волосы – это отдельная история, их медово-цветочный запах сводит меня с ума. Возможно, я парфюмерный маньяк? Раньше я за собой такого не замечал, это исключительно Каткино воздействие на мою психику. Ведьма, не иначе.

В конце концов, мы отправляемся на прогулку – мне явно нужно проветрить мозги. И охладить еще кое-какое место.

Долго гуляем по набережной, сегодня отличная погода – снег почти сошел, грязи нет. Я рассказываю Кате о своих планах – подумываю перебраться в Москву, там больше интересных возможностей для меня. Совсем недавно мне поступило одно интересное предложение и если я его приму, то буду обеспечен работой в столице на ближайшие два года, причем работой с хорошим окладом.

Вижу, что Катя моя приуныла – думает, что брошу ее здесь, а сам укачу покорять столицу. Смешная девчонка, ну куда же я без нее теперь! Мы теперь вместе, я ее никуда не отпущу.

– Катюш, ну ты чего невеселая такая? Ты ведь не бросишь меня одного в чужом городе? Поехали со мной?

Она ошеломленно смотрит на меня.

– С тобой? Но мы ведь еще так мало знакомы, да и что я там буду делать?

– То же самое, что и здесь. Там тебе работу будет легче

найти после вуза. Сейчас самое время попытаться изменить свою жизнь – ты только закончила вуз, детей у нас еще нет, работа, ипотека и кредиты не вяжут нас по рукам и ногам. Кроме того, мы ведь вместе, а вдвоем всегда легче. И что значит – мало знакомы? Мы с тобой чуть сексом сегодня на моей кухне не занялись, а ты говоришь – мало знакомы!

Катя улыбается до ушей. Вижу, что идея ей нравится, но терзается моя Катюшка сомнениями. Да оно и понятно – переезд это всегда серьезный шаг, тем более переезд в другой город. Это для меня она та самая женщина, с которой я собираюсь связать свою жизнь. А вот кто я для нее? Сие есть тайна, покрытая мраком. Ну ничего, еще есть впереди несколько месяцев до моего отъезда, как раз потрачу это время на уговоры.

К вечеру пятницы готовлюсь особенно тщательно – делаю генеральную уборку в квартире. Мне кажется, что всё вылизано до блеска, хотя наметанный глаз какой-нибудь опытной домохозяйки, возможно, заметит пару огрехов. Заказываю несколько готовых блюд из китайского ресторана – знаю, что Катя обожает китайскую кухню. И бутылка шампанского, разумеется, куда же без неё? Свечи, цветы, свежее постельное бельё – всё, как полагается.

Наконец-то отправляюсь за Катюшей – мы договорились, что я заберу ее с работы. Моя трудолюбивая пчелка нашла себе какую-то подработку помощником секретаря на полставки, работает неполный рабочий день, чтобы успевать пи-

сать дипломную работу. Вот и сегодня я жду ее возле нового офисного центра, отстроенного недавно на одной из центральных улиц, в историческом центре города. По моему нескромному мнению, здание совершенно не вписывается в окружающий антураж – кругом стоят особняки, некогда принадлежавшие уважаемым людям этого города – в основном, разбогатевшим на торговле купцам. Здания были национализированы после революции и сейчас в них размещаются магазины, кафе, банки и прочие учреждения. Все эти строения относятся к 19-20 веку и втиснутая среди них незамысловатой формы высотка из стекла и бетона как бельмо в глазу.

Мне нравится, как Катя реагирует на меня – её лицо каждый раз освещает такая искренняя и открытая улыбка, что я невольно и сам улыбаюсь во все тридцать два зуба. Даже, когда у меня отвратительное настроение и проблемы на работе, стоит Катюше улыбнуться – и мрак рассеивается в душе.

Вот и сегодня – она сбегает с крыльца, сияя улыбкой, и я улыбаюсь в ответ. Хватаю её в охапку, и мы идем к моей машине. По дороге домой интересуюсь:

– Ну что, ты предупредила своих, что сегодня ночуешь у меня?

Катя вздыхает. Что такое? Романтическая ночь отменяется???? Я не выдержу такого вероломства!

– Предупредила.

Незаметно облегченно выдыхаю. Она продолжает:

– Но пришлось немножко соврать. Я сказала, что у Светки ночью. Не хочу маму расстраивать.

– Она у тебя такая строгая?

– Да не то что бы строгая. Просто такой своеобразный человек, неизвестно как отреагирует. Человек настроения, в общем.

– Ясно.

С мамой я пока незнаком, но собранная по крупицам из Каткиных рассказов информация о теще представляет ту не в очень выгодном свете. Впрочем, возможно, это неверная трактовка некоторых моментов по обрывочным сведениям. Например, мне кажется очень странным, что Людмила Афанасьевна – так зовут Катину маму, была против поступления Кати в институт. Казалось бы, учится ребенок на бюджете – радуйся!

Ну ладно, не будем о грустном. В конце концов, не на Людмиле Афанасьевне я жениться собираюсь, а на её дочери. Правда, дочь еще не в курсе, но завтра утром я поставлю её перед фактом. Как порядочная женщина, она будет обязана после всего на мне жениться.

Дома Катя ахает, увидев все мои приготовления к сегодняшнему вечеру. Я вижу, что она растрогана до крайности. Катя обнимает меня за шею и, привстав на цыпочки, шепчет в ухо:

– Спасибо! Ты совсем не должен был все это делать.

– Это еще почему? Ты хочешь оставить меня без роман-

тического вечера и просто нагло и цинично попользоваться мной? О, женское коварство!

Катка смеётся и тычет меня в бок кулачком – я делаю вид, что повержен, сложившись пополам. Кажется, напряжение и излишний пафос ушли. Мы снова общаемся, как ни в чем не бывало, ужин проходит в непринужденной обстановке.

Замечаю, что пузырьки шампанского приступили к воплощению моего коварного замысла – Катя покраснелась, смеется от души над моими байками о студенческой беззаботной юности. У всякой юности свои заботы, но человеческая память предпочитает сохранять лучшие, а не худшие моменты. Впрочем, зачем об этом знать девушке, которая сидит напротив меня и залиvisto смеется? Клянусь, это лучший смех, что я когда-либо слышал.

Мы вместе танцуем, я обнимаю Катю и вдыхаю снова этот дурманящий запах ее волос. Никак не могу понять – это духи или шампунь такой? Спрашиваю у нее в лоб:

– Катя, а что за духи у тебя? Так хорошо пахнут.

Это я заодно почву прошупываю – если это духи, то я ей их еще подарю, у меня теперь этот запах всегда будет ассоциироваться с Катей.

– Я не пользуюсь духами, наверное, это шампунь так пахнет.

Жаль, придется другой подарок придумать. Не дарить же девушке шампунь, в самом деле.

Продолжаю обнимать Катю, чувствую, что она уже разо-

млела. Осторожно приподнимаю ее голову и целую. Об этих губах я мечтал с утра, вот как проснулся утром, так сразу и начал мечтать. Еле до вечера дожид, припал к её губам, как путник в пустыне к вожденному источнику. Я бы пил из этого источника вечно.

Подхватываю «мою пре-е-е-ле-е-сть» на руки и утаскиваю в свое логово – в спальню. Слышен только шелест одежды и наше тяжелое дыхание.

При свете ночника рассматриваю мое сокровище, раскинувшееся на кровати. Катя смущается и пытается закрыться от меня. Я развожу ее руки в стороны, и, удерживая, шепчу ей в ушко:

– Ты такая красивая, тебе нечего стесняться.

Покрываю поцелуями шею, плечи, лицо. Её кожа такая гладкая, прохладная и шелковистая на ощупь. Наконец, добираюсь до груди, увенчанной алыми сосками. Катя стонет, а я наслаждаюсь этим стоном и вбираю в рот сводящие меня с ума соски – сначала один, затем другой. Я мечтал о них ночами и вот наконец-то сбылась моя мечта! Моя рука уже там, где мою девочку еще никто никогда не ласкал – я осторожно глажу нежные складки и ввожу внутрь один палец. Почувствовав, что Катя напряглась, шепчу ей на ушко всякие нежности, затем опускаюсь вниз, раздвигаю ножки и продолжаю массировать клитор, но уже языком. Чувствую, что Катя пытается сдвинуть ноги и отодвинуть мою голову от того местечка, что влечет меня сейчас больше всего на

свете. Я смеюсь и не позволяю Катерине лишиться удовольствия. Чувствую, как ее охватывает оргазм, затем осторожно вхожу в нее, и заставляю себя остановиться. С трудом, но мне это удается. Пока Катя привыкает ко мне, я продолжаю целовать ее, затем одним толчком вхожу уже до конца. Сцеловываю выступившие у нее на глазах соленые слезы, шепчу «прости, прости» и снова целую, затем начинаю медленно двигаться. Вижу, что ей еще больно, но она терпит. Кончаю довольно быстро, что удается без труда, ибо этого момента я ждал несколько недель, перекачиваюсь на бок и притягиваю к себе Катерину. Успокаивающе глажу ее спину, острые лопатки и родинку между ними. Шепчу ей в макушку:

– Прости, я старался, чтобы было не так больно, но, наверное, у меня это не очень хорошо получилось.

– Ничего, всё в порядке. Я не хотела плакать, слезы сами брызнули от боли. Все хорошо, я ведь тоже этого хотела.

Она меня еще и успокаивает! За какие заслуги судьба подарила мне такое сокровище? Может, это авансом? Я должен спасти мир или что?

9.

Катя

Настоящее время

Мы с Данькой обожаем субботнее утро – ему не нужно топтать в детский сад, а мне на работу. Сегодняшнее утро омрачено тем, что я вообще топтать никуда не смогу, разве что на одной ноге. Какая жалость, ведь я планировала сводить сына в парк – наконец-то выпал настоящий зимний снег, белый-белый, как ему и положено, теперь чувствуется приближение Нового года. Магазины начинают принаряжаться уже с ноября – целые залежи елочных игрушек и гирлянд можно найти в гипермаркетах.

И тут я прихожу в ужас.

В новой квартире мы с Данькой живем всего ничего – полгода, и Новый Год здесь будем встречать впервые. У нас еще нет ни ёлки, ни игрушек – словом, никаких новогодних прибамбасов. Обычно к своему любимому празднику я начинаю готовиться за пару недель, точно так же собиралась поступить и в этом году. Ну кто же знал, что призрак из прошлого ломает мне конечность. Пусть и не по своей вине, однако, мне от этого не легче не становится. Как я буду теперь покупать ёлку, игрушки, подарки и всё остальное? Ну ладно я – взрослая тетенька, но я же не могу ребенка оставить без новогоднего чуда!

Придется кого-то просить, но очень не хочется – не люблю обременять людей своими проблемами. В сущности, попросить я могу только двух человек – своего брата и свою подругу. Кстати, придется сегодня просить Женьку купить нам с Данькой продуктов.

Звоню маме, ибо Женьке звонить бесполезно – скорее всего, он еще спит, несмотря на то, что время перевалило уже за полдень.

– Мам, привет! Как поживаешь?

– Да как обычно, хвастать нечем.

– У меня тут кое-что случилось неприятное – я ногу сломала, представляешь?

Не хочу говорить маме, что меня сбила машина. И уж тем более не собираюсь ей рассказывать о том, что за рулем этой машины был отец Даньки.

– Как сломала ногу??? Что произошло???? Вот ты всегда такая невнимательная, под ноги не смотришь совсем!

– Ну так получилось, мам. Я же не специально.

– Не специально она... И что теперь прикажешь делать? Это же минимум два месяца в гипсе! А как же твоя работа? Кто ребёнка в садик водить будет?

Вклинившись в поток маминых восклицаний, говорю как можно спокойнее:

– Даньку Светка вызвалась отводить в детсад, на работе придется больничный взять. Я хотела Женьку попросить привезти мне продукты, он дома?

– Дома, где же ему еще быть? Опять в игрушки играет. Сейчас отправлю его к тебе, только чем он тебе поможет? Он же не знает, что покупать.

Вздыхаю про себя – брат у меня совершенно непригодный к жизни. Не потому, что он тупой, а потому что мама своей гиперопекой убила в нем любые проявления самостоятельности на корню. Он ведет совершенно растительный образ жизни – спит, ест, играет в игрушки и т.д. Ест, что дадут. Надевает то, что покупает мама. Мне кажется, что если его не кормить, он и не вспомнит о еде. При этом он далеко не дурак – начитан, эрудирован, прекрасно разбирается в теории некоторых гуманитарных наук, никогда не отказывает никому в помощи. Но что касается житейской практики и смекалки – здесь он совершенно бесполезное и ведомое существо. Ему надо четко и ясно объяснять, что от него требуется и как это сделать.

Вот и сейчас – диктую ему список того, что нужно купить. В списке только самые простые вещи – сахар, хлеб, яйца, молоко и т.д. Но уверена, что перед каждой полкой в магазине Женька будет стоять по десять минут, мучительно размышляя о том, что ему следует выбрать из всего многообразия.

Данька с утра крутится рядом, он искренне хочет мне помочь. Мой сын, к счастью, не капризен – видя, что с мамой беда, не ноет и не рвется на улицу. Наоборот, старается меня развлечь – например, предлагает посмотреть мультики. «Фиксики» – его любимый мультсериал, мне кажется, я уже

знаю его наизусть – мы смотрим и пересматриваем одни и те же серии по нескольку раз подряд. Данька включает мультики, а я скачу на кухню, чтобы посмотреть, что можно приготовить на обед. Сдается мне, что Женьку мы будем ждать до вечера и помрем в итоге от голода.

От Ольги Александровны с работы приходит смс с пожеланиями скорейшего выздоровления. Она предлагает часть моей работы перекинуть мне на дом, я с радостью соглашаюсь – ведь в этом случае, помимо больничного, я еще сохраню часть своего заработка. Все это позволит нам с Данькой по крайней мере не голодать.

Ситуация была гораздо хуже тогда, когда я вышла из роддома с ребенком на руках – у меня не было ни денег, ни перспектив на трудоустройство. Несмотря на то, что свой красный диплом я все-таки получила, никто не спешил брать на работу беременную женщину. Каждый раз на собеседовании я видела приговор «отказать» в глазах каждого, кто интервьюировал кандидатов на вакансию. Приданое для Данечки мы собирали всем миром – кто-то подарил ставшую ненужной коляску, кто-то детскую одежду, даже кровать для Даньки откуда-то с дачи привез наш старенький сосед дядя Миша – все его внуки давным-давно выросли, а новое поколение не спешило нарождаться, поэтому множество детских вещей и игрушек хранилось на полузаброшенной даче.

Помимо воли снова возвращаюсь мыслями к Диме – мне интересно, он уже уехал из города? Пытаюсь проанализиро-

вать свои эмоции, понять – что же я чувствую по отношению к человеку, когда-то хладнокровно предавшему любимшую его девушку и их общего ребенка? Пусть ребенка еще не рожденного, но уже существовавшего в материнской утробе. Отделался от них лаконичной смс-кой и ускакал в закат, к собственному светлому будущему. Я ощущаю недоумение – как я могла настолько ошибиться в человеке? Мы встречались почти полгода, мы практически жили вместе, вместе мечтали, вместе строили планы. Дима мне казался самым лучшим и самым надежным человеком на свете.

Вчера, когда он схватил меня, я почувствовала такую всепоглощающую ненависть к нему, что мне невыносимы были его прикосновения и звук его голоса. Сегодня ненависть снова ушла или спряталась куда-то, а может, выгорела – такой огромный костер быстро прогорает, оставляя после себя лишь головешки. Вот и сегодня – я словно перегорела, не чувствую ничего, кроме недоумения. Он ведь даже не поинтересовался за все эти годы – а сделала ли я тогда аборт? Видимо, его абсолютно не интересовало ничего из того, что связано с родным городом и со мной. Уехал и забыл, выбросил за ненадобностью.

Загоняю никому не нужные воспоминания куда-то в глубины памяти и начинаю ревизию холодильника. Так, что у нас тут имеется? Картошка, морковь, лук, остатки курицы. Отлично, сейчас потушим картошку с курицей – вот тебе и обед, и ужин.

Из комнаты доносятся голоса мультяшных фиксиков, им вторит Данька – он чем-то сильно возмущен по ходу сюжета. Во всем можно найти положительные моменты, даже в ситуации со сломанной лодыжкой – пока я на больничном, с Данькой смогу проводить гораздо больше времени.

Через некоторое время заявляется Женька с пакетами. Осторожно заглядываю в пакеты – вроде бы все что нужно, братец купил.

В целом суббота проходит по-семейному – мы втроем обедаем, смотрим мультики. Потом Женька с Данькой уходят в соседнюю комнату играть в какую-то сетевую игру, а у меня появляется возможность побыть наедине с собой – достаю планшет, открываю читалку и ненадолго погружаюсь в вымышленный мир, в котором полно магии, приключений, благородных героев и фантастических существ – одним словом, всего того, чего в моём мире днем с огнем не сыскать.

Через час понимаю, что детишки заигрались. Без малейших угрызений совести отгоняю парочку от компьютера, чтобы они сделали небольшой перерыв. Чувствую, как все больше и больше ноет поврежденная нога. Завтра попрошу кого-нибудь купить мне костыль – им удобно доставать всех прямо с дивана, костыль в моей ситуации – это что-то вроде пульта управления.

Вспоминаю, что у меня есть еще одна проблема, и весьма, на мой взгляд, серьезная. Вчера мне Светка помогла принять душ, а вот сегодня придется обойтись самой. Главное, в про-

цессе не сломать что-нибудь еще.

10.

Дима.

Настоящее время

Воскресное утро для меня начинается с идиотской мысли: «А не проведать ли мне Катю? Где она живет, я знаю. Правда, не знаю квартиру, но это можно выяснить без труда».

Отбрасываю глупую идею. А если она не одна? В качестве кого я к ней припрусь? В качестве несостоявшегося убийцы?

От мысли, что Катя может быть не одна, начинаю злиться отчего-то. Хоть кольца на ее пальце и нет, однако это еще не говорит о том, что Катя свободна от отношений. Впрочем, какая мне разница? Все равно я к ней не поеду, глупо это всё.

Может, нужны лекарства или еще что-то? Я даже не спросил в пятницу ее об этом – настолько был впечатлён внезапной встречей, что об элементарных вещах не подумал.

Звоню сначала Кольке – тот с ночной смены и сначала даже не понимает, кто его побеспокоил ранним воскресным утром. Придя в себя, разъяренный эскулап действительно советует мне приобрести обезболивающее, костыли и таблеток от наглости. С адресом и телефоном Кати он мне помочь не в силах – ее карточка в больнице, а значит, только в следующую Колькину смену можно будет раздобыть информацию. Это если он согласится, в чем я теперь сомневаюсь.

Ну и ладно, как-нибудь сам попробую разузнать.

Отправляюсь на прогулку, заодно планирую заглянуть в аптеку. Свежевыпавший снег, пока еще ослепительно белый, напоминает мне детство. Этот город вообще странно на меня влияет – всё то, что я похоронил давным-давно, вдруг воскресло и предстало перед моим мысленным взором – воспоминания снова и снова увлекают меня в те далекие летние дни. Я думал, что забыл все то, что здесь произошло – еще в пятницу мне казалось, что мы с Катей чужие люди, что любовь давно прошла, что я давно ничего не чувствую по отношению к этой девушке.

Однако Катерине Витальевне понадобилось всего два дня, чтобы вновь занять все мои мысли. Чего-чего, а этого ей позволять ни в коем случае нельзя – не зря я Катьку ведьмой когда-то называл. Есть в ней что-то такое, ведьмачье. Я приехал в родной город и теперь у меня такое ощущение, что с меня сняли стеклянный волшебный колпак, под которым я жил почти шесть лет. Как будто чувства и эмоции под этим колпаком были в состоянии стазиса, а теперь, когда колпак таинственным образом испарился, они продолжили свое существование с той точки, на которой когда-то впали в стазис. Для них не было этих шести лет, все случилось, как будто вчера. И вот снова меня терзают обида и недоумение – почему мне она предпочла кого-то другого? Да не кого-то, а того мажора? К тому же из двух наиболее недалекого?

Вспоминаю, что обещал позвонить Ромке. Набираю номер. Абонент не абонент. Ну что же, позвоню попозже.

По пути к Катиному дому заезжаю в аптеку и покупаю все в соответствии с Колькиным списком. Адрес моей бывшей забит в навигаторе, остался пустяк – узнать номер квартиры.

Паркуюсь возле знакомого подъезда и начинаю наблюдать – должна же быть какая-то подсказка. Чувствую себя сталкером. Вдруг вижу, как к подъезду идет Светка. Мысли начинают мелькать в голове как стадо обезумевших лошадей – этот шанс я должен как-то использовать. Выскочив из машины, хватаю первого попавшегося подростка. Про себя молюсь, чтобы никто не подумал, что я его похитить пытаюсь.

– Видишь вон ту женщину?

– Ну вижу... И чего?

– Штуку хочешь заработать? Узнай, в какую квартиру будет звонить.

– И всё?

– Если есть желание, можешь еще польку сплясать. Номер квартиры – тысяча рублей. Усёк?

– Усёк.

– И не вздумай обмануть, последствия тебе не понравятся.

Блефую, конечно, что я ему могу сделать? Случись ему меня обмануть, я даже найти его вряд ли смогу – у меня на это просто времени нет. Через три дня мне надо быть в Москве и в этот город я, скорее всего, никогда больше не вернусь.

Вижу, как подросток подходит следом за Светкой к дверям подъезда и встает у неё за спиной. Он делает вид, что

увлечен разговором по телефону, а сам заглядывает ей за плечо. Парень высокий, а она среднего роста – ему должно быть отлично видно, какие кнопки она нажимает. Хитер, однако. Несколько секунд спустя Света заходит в подъезд, а парень возвращается ко мне и торжественно провозглашает:

– Сто тридцать пять.

Протягиваю ему честно (или не честно?) заработанную тысячу. Тот убегает, довольный как слон, а я остаюсь на своем наблюдательном пункте.

Что я делаю? Еще три дня назад я и не вспоминал о своей бывшей. А сейчас сижу у ее подъезда и дожидаясь, когда уйдет ее подруга, чтобы без приглашения нагрянуть в гости. Зачем? И дураку понятно, что это не просто визит вежливости. Что и зачем я пытаюсь выяснить? Свербит внутри какое-то чувство незавершенности. Кажется, в психологии это называют незакрытым гештальтом. Вот выясню все о то ли существующем, то ли нет, ребенке и уберусь из этого города подобру-поздорову.

Нет, конечно, я слегка преувеличиваю, говоря, что совсем не вспоминаю свою бывшую. Первое время мне снились сны о ней – я видел Катю такой, какой она была в нашу первую ночь – смущенная, чуть с заплаканными глазами и как будто немного светящаяся в темноте, я видел любовь в её глазах. В такие ночи я предпочел бы не просыпаться вовсе, а остаться с ней там, во сне, но увы, это не зависело от моей воли. Во сне я почему-то никогда не помнил о ее измене. Временами

Катя представляла в моих снах в каком-то странном, если не сказать страшном виде – в старой заштопанной длинной рубашке, ее глаза были пустыми и мертвыми, она подходила ко мне, протягивала руки и гладила мое лицо холодными руками.

В этих кошмарах я был полностью лишен возможности двигаться – мне оставалось лишь смотреть снова и снова, как она подходит, гладит мое лицо и пытается заглянуть мне в глаза своими пустыми жуткими глазищами. Заканчивался этот кошмар всегда одинаково – откуда-то возникал ее любовник-мажор и Катя исчезала. Даже моих скудных познаний в психологии хватило, чтобы понять, что подсознание влияет на мои сны и посылает кошмары.

Через пару месяцев светлый образ Кати из счастливых снов был полностью поглощен образом того существа с мертвыми глазами. Дошло до того, что кошмар стал сниться мне каждую ночь. Я бы никогда не смог заставить себя пойти к психологу, поэтому обошелся своими силами – ежедневно упыхивался так, что сил оставалось только доползти до кровати и упасть в нее до следующего утра. Каждую ночь я проваливался в черную бездну и по звонку будильника выныривал из нее. Но своего я добился – Катя перестала мне сниться, совсем. Усилием воли за несколько месяцев мне удалось вытеснить этот образ и воспоминания о прошлом в какой-то старый пыльный чердак в моей голове. И тогда родился на свет тот Дмитрий Ланге, которого знают мои коллеги и парт-

неры – жесткий, зачастую бескомпромиссный, требовательный и хваткий, не терпящий чужую глупость и раздолбайство, и никогда не прощающий предательства, не знающий снисхождения к чужим и своим слабостям.

Внезапно приходит смс – Ромка появился в сети. Немедленно набираю его:

– Привет, узнал?

У Ромки хорошая память на голоса. Он меня узнал и довольно ржёт:

– Что, не терпится сплетни узнать?

– Есть такой момент. А то уеду, так и умру в дороге от неудовлетворенного любопытства.

Ромка вздыхает и уже совсем другим тоном говорит:

– Ну история там так себе, мутная какая-то. Зачем тебе вообще вдруг понадобилось сейчас всё это поднимать? Столько лет прошло, всё быльем поросло.

Мне не нравится его тон и не нравятся его слова. Что-то по-прежнему не дает мне покоя.

– И всё-таки?

– Ну как хочешь. Катя лежала в больнице одновременно с Олесей на сохранении. Это было в сентябре. Ее то ли изнасиловать пытались, то ли изнасиловали. Она в тот момент уже беременная была, уж не знаю точно, что там случилось, но выбросили ее из машины, хорошо хоть не на полном ходу. Не знаю, какими были последствия, но ребенка она хотела сохранить, судя по всему. Неизвестно, сохранила ли – с

тех пор ни я, ни Олеся Катю больше не видели. Больше подробностей не знаю, да и эти Олеське не от Кати известны – это медсестры сплетничали, а уж откуда им было известно, понятия не имею. Может, вообще неправда все это, сплетни они и есть сплетни. Так что с меня взятки гладки – за что купил, за то и продаю.

Чувствую, как в тугой узел скручиваются кишки – все внутри как будто льдом изнутри подернулось. Какая-то тварь подняла руку на мою Катю. Представляю то, что с ней, возможно, произошло или могло произойти, и чувствую, как обжигающий лёд ползет все дальше – от солнечного сплетения прямо к сердцу, к ногам и рукам. Я получил ответ на вопрос, но этот ответ породил новые вопросы. Пытаюсь выжать из Ромки максимум информации:

– А кто-нибудь навещал ее, пока она в больнице лежала?

Слышу, как Ромка спрашивает у Олеси. Та громко говорит, прямо в Ромкин телефон:

– Женщина какая-то приходила все время, видимо мать. И еще девушка забегала – среднего роста, шатенка с синими глазами, такая шустрая.

Ну с этой посетительницей все ясно. Кстати, вот она выходит из Катиного подъезда.

– Это Светка, подруга её.

– Возможно.

– А больше никого и не было.

– А того, кто ее из машины выкинул, нашли?

– Вроде бы и не искали. Мне кажется, что она не обращалась в полицию. – Олесин голос удаляется. Теперь снова слышу Ромку:

– Ну что, ясности добавилось?

– Не очень, честно говоря. Но ты, если что вспомнишь, звони.

Ромка отключается, а я пребываю в некотором ступоре. У кого мне узнать, что же все-таки произошло с Катериной? Ее я, понятное дело, пока расспрашивать не буду, чтобы не беречь старые раны. Но в гости, пожалуй, зайду.

Вместе с какой-то парочкой вхожу в подъезд, нажимаю на 12-й этаж – по моим подсчетам, 135-я квартира должна быть на двенадцатом этаже. Так и есть – три нужные мне цифры красуются на одной из дверей. Звоню в двери, слышу, как поворачивается замок, дверь открывается и на пороге квартиры появляется Катя.

11.

Катя

Настоящее время

Звонок в дверь. Светка вернулась – наверное, забыла что-нибудь опять. Не глядя в глазок, открываю дверь:

– Свет, ты решила вер..... – слова застревают у меня в горле. На пороге не Света, на пороге стоит Дмитрий собственной персоной.

Нагло смотрит на меня своими светлыми глазами, молчит. Черт, Данька дома как раз. Как Дима узнал номер моей квартиры? Какого чёрта ему здесь надо? А что, если он узнал о Даньке и решил, что теперь ему нужен ребенок? Данька в комнате смотрит мультики – так увлечен своими фиксиками, что даже не вышел посмотреть, кто это пришел. Дай Боже здоровья тому, кто придумал фиксиков!

Все эти мысли и еще сотня неосознанных обрывков проносится у меня в голове безумной вереницей.

Пытаюсь захлопнуть дверь перед носом у незваного гостя, но я и в здоровом состоянии не отличаюсь особыми спортивными задатками, а теперь и подавно. Дима ставит ногу в дверной проём и мягко отстраняет меня в сторону, обхватив за талию. Входит в прихожую, с любопытством оглядываясь. В руках у него какой-то большой сверток. И цветы. Я закипаю от злости.

– Цветы по какому поводу? Почему не венок?

– До венка у нас дело не дошло пока.

– Недоработка. В следующий раз старайся лучше. Зачем явился?

– Подумал, с костылем тебе сподручнее скакать будет.

– Спасибо, конечно, но мне и так неплохо скачет. Тебе не пора?

Злится – поджал губы и уставился на меня своими невозможными глазами. Как всегда, невероятно элегантен, но без гламурной слащавости, волосы снова немного взлохмачены, как будто он только что провел по ним рукой. Возможно, так оно и было – от старых привычек трудно бывает избавиться, даже если ты приобрел новую должность, новые знакомства и новое пальто. Надо срочно его выгнать, пока не закончилась очередная серия «Фиксиков». Впрочем, возможно, поздно переживать и он явился сюда знакомиться с ребенком. Такие случаи бывают – мне рассказывали про одного папашу, который спустя двадцать один год решил, что сын ему все-таки нужен и возжелал познакомиться. Возжелать раньше он никак не мог из опасений, что придется выплачивать алименты.

Пытаюсь отставить панику и злость и думать рационально и без эмоций. Кто мог сообщить Дмитрию, что я не сделала аборт? С нашими общими знакомыми я отношений никаких не поддерживаю уже много лет, одной из причин моего переезда в новый район было желание избежать непри-

ятных встреч с друзьями Дмитрия. И я не прогадала – на новом месте жительства никто не знает меня, и я никого не знаю. А, значит, никто не посмотрит на меня осуждающе, сочувствующе или с нездоровым любопытством. Маловероятно, что кто-то, кроме Светки, в курсе той давней истории, для большинства я – обычная одинокая мама, сейчас таких немало. Однако береженого Бог бережет, и я всегда избегала контактов с прежним кругом общения. Маловероятно, что Дима знает про Даньку. От меня он точно ничего не узнает – лучше никакого отца, чем что попало. Нормальные отцы от детей не отказываются. Можно оставить жену, любовницу – в конце концов, насильно мил не будешь. Но оставить на произвол судьбы собственного ребенка? Вряд ли я могу это понять.

Между тем, Дима разворачивает сверток и достает оттуда костыли, протягивает их мне. Будь это обычный виновник аварии, я бы взяла их безо всякого сомнения – в конце концов, человек виноват (отчасти) в моем нынешнем состоянии и всего лишь хочет исправить содеянное. Но от Димы мне не нужно ничего – ни цветов, ни костылей, ни помощи. Единственное, что я могу от него принять – это объяснения, которые он мне задолжал. И извинения, возможно. Впрочем, уверена, что не получу ни того, ни другого – в обе наши встречи он никак не обозначил своего отношения к прошлым событиям.

Устало вздыхаю – Света помогла мне принять душ, но

это отняло у меня столько сил, что я бы предпочла немного вздремнуть, а не выяснять отношения с бывшим. Да и нога снова начала ныть. Мне бы таблетку и поспать, хотя бы одним глазком.

– Дима, мне не требуется твоя помощь. Забирай все и уходи, пожалуйста. Я устала, у меня болит нога, и я хочу отдохнуть.

– Я уйду, мешать не буду. Но все это оставлю здесь. И не спорь – с костылями тебе будет удобнее, вот увидишь. В пакете хорошие обезболивающие и еще кое-что по мелочи. Я звонил Николаю – доктору из травмпункта – это он рекомендовал все это купить.

– Цветы тоже он рекомендовал?

– Можно сказать и так. Цветы – часть процесса реабилитации.

Надо же, улыбается своей фирменной улыбкой. Как ни в чем не бывало. Смешно ему, блядь. Да, иногда эмоции вынуждают меня прибегнуть к обсценной лексике. Это когда нет больше слов, вот совсем нет. У него что, память отшибло или что? На идиота Дмитрий вроде никогда не был похож, впрочем, может это какой-то выборочный идиотизм. Спрашиваю с интересом:

– Чьей реабилитации? Моей или твоей?

Кажется, удалось загнать в тупик – Дмитрий Ланге, известный в народе как «башковитый чувак», завис как старый компьютер в момент знакомства с новым вирусом. Смот-

рит на меня растерянно, даже жаль его немного. Но только немного, и жалость эту мы задавим в зародыше. Он-то меня не пожалел в свое время, так что изведем это деструктивное чувство, именуемое бабской жалостью, на корню.

Ого, кажется время «Фиксиков» подходит к концу. Судорожно пытаюсь собрать обратно пакеты, цветы и все остальное барахло, принесенное незадачливым визитёром. Получается не очень хорошо, если честно – гипс мало способствует активной гимнастике. Впрочем, что-то собрать все-таки удастся. Пытаюсь это всучить обратно незваному гостю, шиплю злобно:

– Забирай все обратно и проваливай. Что тут непонятного? Мне. От тебя. Ничего. Не нужно. Могу даже написать, если у тебя со слухом проблемы.

Дмитрий, кажется, сменил растерянность на ярость – желваки заиграли, глаза стали еще светлее. Отбирает у меня скомканные пакеты и букет и кладет все это подальше от меня на тумбу в прихожей.

– Я не буду ничего забирать. А если все-таки вздумаешь это выбросить, подумай о том, как ты будешь следующий месяц ходить. На ногу тебе наступать нельзя, гипс снимут в лучшем случае через месяц. Кстати, ты помнишь о том, что через неделю тебе надо будет в травматологию на осмотр?

– Я прекрасно все помню, это у тебя с памятью беда. Кстати, что-то раньше тебя не особенно заботило мое здоровье. Что это вдруг сейчас озаботился? Бонусы к карме зарабаты-

ваешь?

– Катя, ну что ты несёшь? Слышала бы ты себя со стороны. Раз я тебя так раздражаю, то я пошёл. Но забирать ничего не буду, даже и не надейся.

Дима стремительно выходит, дверь захлопывается за ним с шумом. Я устало опускаюсь на скамеечку в прихожей. Каждый раз, когда мы сталкиваемся, меня накрывает шквал негативных эмоций, после каждой встречи я как выжатый лимон. Беру костыли, осматриваю придиричиво. Как ими пользоваться, интересно? Я раньше костыли только в кино видела. Приспосабливаю их под локти – кажется, как-то так это должно выглядеть. Хм, а ведь действительно – так гораздо удобней, чем скакать на одной ноге.

В прихожую вылетает Данька. Какое счастье, что он не выскочил на пару минут раньше. Увидев меня с костылями, он резко тормозит и восхищенно восклицает:

– Вот это да! Как Джон Сильвер! А можно я тоже попробую?

Да, «Остров сокровищ» мой сын тоже успел посмотреть. Они смотрели его вместе со Светиком два раза, а потом вместе горланили дурными голосами на детской площадке:

«Пятнадцать человек на сундук мертвеца!

Йо-хо-хо, и бутылка рома!»

В тот день я на всякий случай отсела от них подальше, опасаясь, что их заметут как нарушителей общественного порядка.

Следующие два часа мы скачем с Данькой на костылях по квартире – для него это скорее, ходули. Это его расстраивает и он заявляет, что когда вырастет, обязательно купит себе такие же костыли и они ему будут как раз. Ужасаюсь про себя – ребенок на костылях – это кошмар для матери. Да и Джон Сильвер не самый положительный персонаж в мире литературы, впрочем, он, как многие литературные злодеи, не лишён обаяния.

Внезапно взгляд падает на букет, сиротливо лежащий на тумбочке в прихожей. Вспоминаю, что собиралась этот веник отправить вслед за его дарителем, но перспектива быть разоблаченной совсем затуманила мои мозги и я упустила этот момент из виду. Чего уж теперь, пусть остается веник, жалко выбрасывать, чем цветы-то виноваты?

Прижав букет левой рукой к груди, отправляюсь в кухню на поиски вазы – где-то у меня должна быть отличная керамическая ваза, подаренная мне на новоселье коллегами, этот букет прекрасно будет в ней смотреться. К счастью, я не успела ее далеко спрятать, хотя могла – цветы мне дарят не так чтобы очень часто. Расправив смятый букет, разглядываю его внимательно – розы, гвоздики и альстромерии, этот странный микс выглядит очень нежным. Аккуратно ставлю его в вазу и водружаю ту на окно. Данька тут же интересуется:

– Мам, а кто это тебе цветы подарил? Папа?

Я ошеломленно смотрю на своего малыша – это откуда у

него такие мысли? Как он узнал? Осторожно интересуюсь:

– Данечка, почему ты так решил?

– Ну обычно мамам папы дарят цветы – нам Вера Ивановна в садике рассказывала. Или на работе дарят. Но ты же не была сегодня на работе, значит, там тебе их подарить не могли.

Железная логика, с которой трудно спорить. Данька наблюдательный, у него отличная память и с мозгами все в порядке. За эти качества стоит сказать спасибо Дмитрию – гены, как говорится, не пропьёшь. Хорошо, если бы от родителей детям доставались только положительные качества, а отрицательные отмирали бы где-то в процессе эволюции от поколения к поколению.

Как обычно, говорю правду, но не всю:

– Это подарил тот человек, который на мою ногу машиной наехал, в качестве извинения.

Врать не люблю и не умею, но не договаривать я мастер.

Данька слегка унывает, но, через пару минут снова воспрянув духом, несется в комнату смотреть следующую серию Фиксиков.

12.

Дима

Настоящее время

Очевидно, что затея успехом не увенчалась – Катерина на контакт не идет, а значит, и расспрашивать ее о чем-либо не имеет смысла. Однако я не заметил присутствия ребенка в квартире, впрочем, дальше прихожей меня не пустили. В прихожей, насколько я успел заметить, не было ни детской обуви, ни верхней одежды. Справедливости ради, взрослой одежды тоже не было, значит, всё висит в шкафах. Опять неопределенность.

Катя хотела меня выпроводить как можно скорее, это трудно было не заметить. Почему? Боится, что нынешний любовник заревнует? Может быть, может быть. Я бы тоже приревновал, если бы к моей женщине какой-то мужик с цветами домой припёрся.

Мысль о возможном любовнике ядом растекается по моему сознанию. Это город так действует на меня – еще три дня назад я почти не вспоминал о Кате, а сегодня меня крайне беспокоит ее личная жизнь. Чем быстрее я отсюда уеду, тем лучше. Мне кажется, что если я задержусь, то вернусь в то душевное состояние, в котором уезжал отсюда шесть лет назад.

Но прежде чем уехать, я должен расставить все точки над

i.

Воскресенье плавно подходит к концу, а я, покружив по центру города от нечего делать, отправляюсь в городской парк, заскочив по пути поужинать в одно очень приличное место со странным названием для ресторана – «Табачок», которое расположилось на одной из пешеходных улиц города с незапамятных времён и пережило несколько эпох – Хрущевскую оттепель, Горбачевскую перестройку, бурные девяностые, и уверенно вступило в двадцать первый век. Хозяева у заведения менялись несколько раз, однако каждый из них считал своим долгом сохранить самобытную атмосферу, меню и название заведения. И судя по всему, они не прогадали, так как ресторанчик всегда полон посетителей.

В городском парке сегодня немало народу, несмотря на прохладную погоду. Так кстати выпал снег, вокруг белым-бело, народ и выбрался полюбоваться в кои-то веки на настоящую зиму. Почему-то вдруг пришло в голову, что если бы у меня был сын или дочка, обязательно сегодня пришел бы с ними в парк и смотрел, как они катаются с горки на санках. Нет, не смотрел бы. Я бы участвовал – я и сам не дурак с горки покататься.

Сейчас в магазинах такое разнообразие санок, тюбингов и ледянок всех форм, размеров и цветов, что большинство взрослых не в состоянии удержаться от соблазна. Еще бы, в нашем детстве ты был королём двора, если у тебя была досочка, которую мама или бабушка обили клеенкой и при-

шили клеёнчатые ручки. И тогда тебе волей неволей приходилось делиться с друзьями-товарищами, чтобы каждый мог прокатиться на такой дощечке, иначе ты мог прослыть жадиной, и тебе был бы объявлен бойкот со стороны дворовой ребятни.

Гуляя по центральной дорожке парка, мимо скамеек, на которых сидят влюбленные парочки и молодые мамы с детьми, размышляю, как мне разузнать побольше о том, что же все-таки произошло здесь после моего отъезда шесть лет назад. Дело давнее, со многими прежними знакомыми я контакты растерял. Растерял намеренно – не хотел, чтобы хоть что-то напоминало мне об этом городе, даже телефонный номер сменил. Пожалуй, Ромка с Олесей, Катя и Светка – вот круг тех лиц, с которыми я могу сейчас установить какие-то контакты. Точно! Светка! Как же я о ней-то не подумал? Ближе Светы у Кати подруг не было никогда, насколько мне известно. Да и вообще их не было, только Светка одна и была. Видать, и сейчас ситуация не изменилась, раз бросилась к подружке на выручку по первому зову. Вот её-то я и спрошу обо всём. Только бы она не переехала никуда за это время, старый адрес я хорошо помню – много раз отвозил Катерину к подруге в то время, пока мы были вместе.

Выхожу из парка, усаживаюсь в автомобиль и направляюсь в тот район, где раньше жила Катя, и, как я надеюсь, до сих пор живет Светка.

Но все надежды идут прахом.

На дверях подъезда нет даже домофона, судя по запаху, подъезд используется бомжами в качестве бесплатного общественного туалета. Лифт, к счастью работает. Поднимаюсь на шестой этаж, звоню в звонок – никакого звука. Похоже, сломан. Стучу в обитую дешевым старым дерматином дверь, еще раз, и ещё. Наконец, через долгое время мне открывает дверь растрепанная пожилая женщина с засаленными черными волосами, судя по амбре, пребывающая в многодневном подпитии. Это точно не Светка, ибо, когда я видел ее у Каткиного подъезда, она выглядела гораздо лучше. Впрочем, отечественный алкоголь способен на невиданные чудеса. Может, это ее мать? Со Светкиной матерью я не знаком, поэтому не имею ни малейшего представления о том, как она должна выглядеть. Женщина разглядывает меня мутным расфокусированным взглядом, прислонившись к дверному косяку, а затем спрашивает:

– Ты к кому?

– Я к Свете, она дома?

– Дома.

– Позовите её, пожалуйста.

– Зачем?

– Мне нужно с ней поговорить.

– Ну говори. – Женщина, пошатываясь, пытается смотреть мне в лицо, но это ей не всегда удается.

– Это личный разговор, мне Света нужна.

– Ну я Света, чего надоть?

– Мне другая нужна, точно не вы. А вы давно здесь живете?

– Да вот с прошлой зимы. Или нет. С позапрошлой, кажется. Не помню. Но живу здесь, да. Еще здесь Витька живет, но он, козёл, сейчас у Райки харчует. Кобелина проклятая.

– Ясно. А прежние хозяева адреса не оставили?

– Не-а, зачем нам их адрес? Я их видела один раз, когда этот подписывала, как его...? Договор, вот! Деньги ихние, фатера нашенская. Зачем нам их адрес?

Понимаю, что здесь ничего больше не добыюсь. Света, которая не та, вряд ли вспомнит даже свой старый адрес, что уж говорить о чужом новом.

Медленно спускаюсь по лестнице, вижу, как навстречу поднимается щуплый мужичок в домашних трениках с пустым ведром. Улыбаюсь про себя – надо же, где-то до сих пор люди не пользуются мусорными пакетами и носят мусорные ведра на помойку. Тут мне в голову приходит идея расспросить мужичка – он выглядит, как старожил-абориген.

– Простите, пожалуйста. Я ищу Светлану из 25-й квартиры, она раньше здесь с матерью жила. Мы с ней учились вместе, я в городе проездом, решил проведать, а она, похоже, переехала. Не знаете случаем, куда?

– Светка-то? Да, недавно переехали они. Уже... – мужичок задумался, смешно потирая подбородок. А затем воскликнул:

– Мать честная! Да это ж как время-то летит! Уже три

года прошло, как переехали! Вот ведь что делается! А я всё – недавно, да недавно. А уже три года. Как один месяц!

– А не знаете, куда? Не оставляла она адрес?

– Нет, этого не знаю. Рад бы помочь, да не могу.

Попрощавшись с аборигеном, выхожу во двор. Снег продолжает падать огромными хлопьями, похоже, решил к утру засыпать город и подбросить работенки для дорожных служб.

Ну не все еще потеряно. В конце концов, есть социальные сети, попытаюсь найти Светку через них. Ну а если не получится, то буду действовать нахрапом – караулить у Катерининового подъезда, сдается мне, Светлана там частый гость.

Возвращаюсь в гостиницу, просматриваю соцсети, наконец в Фэйсбуке нахожу Светлану Игнатову. Довольный собой, оставляю сообщение и заявку в друзья.

Весь следующий день мотаюсь по городу – встречаюсь с франчайзи, с клиентами, партнерами и прочими нужными людьми. Наш софт и сервисы пользуются здесь таким же спросом, как в обеих столицах. Ничего удивительного – сегодня каждое предприятие стремится автоматизировать все процессы по максимуму, сокращая издержки на ручной труд и содержание рабочих мест. Использование наших сервисов позволяет сократить штат предприятия в разы.

К концу дня все улажено, а что должно было быть подписано, то подписано. Отметив удачное начало сотрудничества с новыми партнерами в ресторане, ближе к полуночи

возвращаюсь в гостиницу. У меня остался еще один день, завтра мне необходимо встретиться со Светланой и разъяснить некоторые моменты. Захожу в соцсеть, вижу что Светка никак не отреагировала ни на мою заявку, ни на сообщение. Если до утра не ответит, придется подкарауливать ее у Катиного подъезда.

Сквозь сон слышу, как звонит мой телефон. Час ночи, кто в здравом уме будет названивать в такое время? Ага, ясно, ну кто же еще? Мой драгоценный партнер по бизнесу, совладелец «Ориона» – компании, которая принадлежит нам обоим. Ему что день, что ночь, все едино. Со вздохом отвечаю на звонок:

– Алло! Я очень невнимательно слушаю вас, уважаемый Петр Евгеньевич!

Петька хрюкает от смеха в трубке:

– А чего так? Запил, что ли там?

– С вами не только запьешь, ты чего звонишь-то?

– Слушай, тут у нас форс-мажор. Тебе завтра надо к обе-ду тут быть. Наши китайские друзья желают заключать контракт всенепременнейше в присутствии обоих учредителей. Я уж и так и сяк пытался умаслить их – мол, у нас обоих равноценная подпись, равные доли и так далее. Но они ни в какую, улыбаются и продолжают гнуть свою линию. Ну ты сам знаешь – китайцы они и в Африке китайцы.

– Знаю. Только вот не знаю, успею ли. Сейчас буду авиабилеты бронировать, надеюсь, будут места на утреннем рей-

се.

– Отлично. Мы бы их еще пару дней продержали здесь, но у них срочные дела в Гонконге, требующие личного присутствия, поэтому господин Ли всячески извинялся, но просил во что бы то ни стало завтра контракт подписать обеими сторонами. Если завтра не подпишем, еще неизвестно, на сколько всё отложится.

– А с контрактом все нормально? Что юристы говорят?

– Все отлично, он вылизан до последней запятой. Юристы уже завизировали с обеих сторон, дело осталось за генеральными.

– Ясно. Завтра буду. Отбой.

Отключаюсь, чертыхаясь про себя. Придется завтра рано утром вылететь в Москву. Там пока до дома доберусь, пока в порядок себя приведу, потом до офиса по пробкам. В этом городе я уже ничего завтра не успеваю сделать. Придется либо возвращаться потом, либо дистанционно как-то решать вопрос. Впрочем, есть еще вариант – дать распоряжение службе безопасности «Ориона», хоть и не хотелось бы никого в личные дела посвящать. Ладно, сначала с китайцами разберусь, а там решу.

От раздумий снова отвлекает телефонный звонок. Поднимаю трубку:

– Привет. Ты что не спишь в такую рань?

– Дима, ну какая рань? Сколько у тебя там времени?

– У меня час. Два часа разницы у нас с тобой во времени.

– Понятно. Пётр не звонил тебе? Он тебя разыскивал.

– Да вот только что перед тобой звонил. Завтра возвращаюсь в Москву.

– Отлично. У меня к тебе серьезный разговор есть.

Внутренне напрягаюсь – я ужасно не люблю таких прелюдий к беседе. Вот чего, спрашивается, туману и жути нагонять?

Осторожно интересуюсь:

– Если разговор настолько серьезный, то может лучше сейчас и расскажешь, что случилось?

– Нет, ты прилетишь и все узнаешь.

Женщины – удивительные существа, на мой взгляд, зачастую склонные к излишнему драматизму.

Вот и моя жена Юля не исключение.

13.

Дима.

Настоящее время

Серое московское небо сегодня встречает путешественников, благополучно приземлившись в Домодедово. Здесь зима еще не вступила в свои права, несмотря на календарь – вместо снега слякоть, вместо морозца оттепель. Впрочем, в последние годы это обычное явление не только для Москвы, но и для многих крупных российских городов.

Вместе с толпой пассажиров спешу успеть на ближайший аэроэкспресс до Москвы, ждать еще полчаса нет никакой возможности. Город, из которого я только что вернулся, остался где-то далеко позади, подернулся дымкой и отодвинулся куда-то на самый край сознания. Только глубоко внутри свербит досада на то, что не успел выяснить толком ничего. Я никогда не оставляю дела недоделанными, есть у меня такой пунктик. Вот и теперь, несмотря на то, что я практически уверен, что никакого ребенка у Кати нет, мне нужны доказательства. А еще мне почему-то очень важно знать, что произошло с Катей шесть лет назад. Я по-прежнему чувствую за нее некую ответственность, хоть мне и неясна причина этого феномена.

Я нахожу это странным, ведь последние несколько лет я почти не вспоминал Катерину. Вернее, я заставил себя не

вспоминать – теперь я понимаю это совершенно отчетливо. Сбившиеся в первое время после переезда кошмары так меня вымотали морально и физически, что, по всей вероятности, единственным выходом для меня тогда был блок, который я поставил на все воспоминания, которые были связаны с Катей. Я не забыл её, нет. Но как только что-то напоминало мне о ней, я сразу начинал думать о чем-то другом. Постепенно это вошло в привычку, и моя неудавшаяся любовь ушла на периферию сознания. Я думал, что справился с этим. Но всего лишь одна встреча всколыхнула всю муть, которая скопилась на дне моей души.

Заскочив домой, переодевшись и приняв душ, отправляюсь в офис. В приемной суетится Иришка – племянница Петьки, которую он устроил к нам работать секретарём. Вопреки сложившимся стереотипам, Иришка работает не за страх, а за совесть – такого исполнительного и ответственного работника еще поискать надо. Она мечется между приемной и конференц-залом, проверяя, все ли готово к приему китайской делегации. Господин Ли никогда не приходит на встречи один – видимо, памятуя о том, что короля играет свита. Его всегда сопровождают личный помощник, переводчик и еще пара человек охраны.

Пока разбираю бумаги на своем столе, накопившиеся за неделю без малого, ко мне забегают Юля.

– Привет. Ну хоть на работе тебя увидела. А то уже забыла, как ты выглядишь. – Смеется она.

– Привет. – Я обнимаю ее и целую в висок.

Между нами нет большой и пламенной любви, но есть многолетняя дружба, сексуальная совместимость, много хороших совместных воспоминаний и планов на будущее. И у нее, и у меня за спиной имеется опыт очень неудачных отношений. Ее повесть намного печальнее моей – ее отношения не просто закончились, а закончились трагически. Мы вместе уже год и вполне неплохо уживаемся на одной территории. Два года назад Юля пришла к нам работать директором по маркетингу, а потом так получилось, что мы стали встречаться. Ни она, ни я, будучи ровесниками и достаточно взрослыми людьми, не ждали больше от жизни каких-то неведомых волшебных встреч, а посему решили пожениться. Мы оба реалисты и даже в чем-то циники, не ждем от жизни хороших сюрпризов, поэтому вполне комфортно сосуществуем рядом друг с другом.

Юлька усаживается на диван напротив моего стола и хлопает ладонью рядом с собой, приглашая присесть. Я протестую:

– Юля, не время сейчас, скоро придут наши восточные друзья.

– Вот дурак! Я же не для плотских утех тебя зову. У меня важный разговор, между прочим.

– Прямо сейчас?

– Да, у меня уже нет сил терпеть, я почти неделю жду, чтобы тебе сказать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.